

Э. Я. Баталов

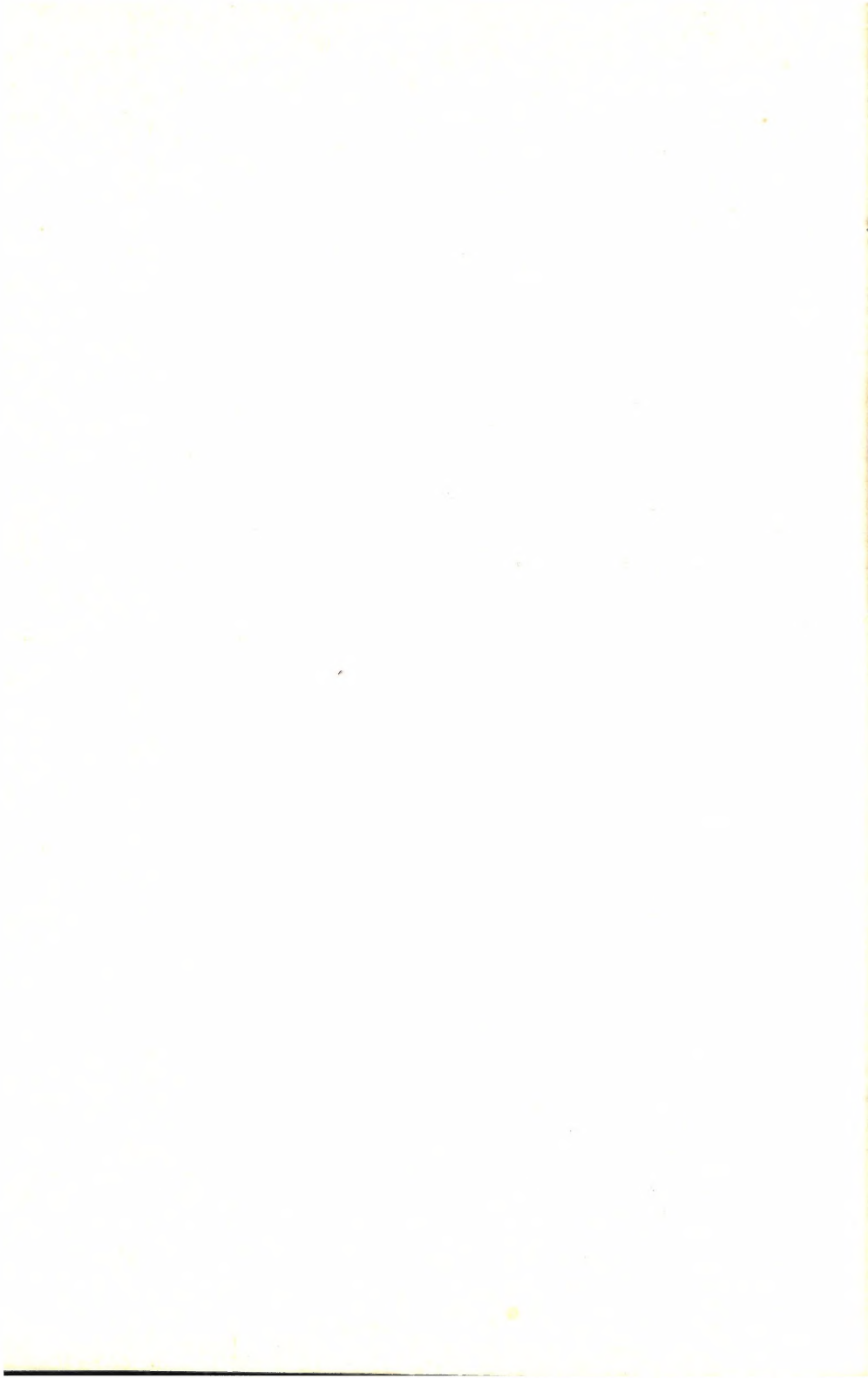
**«НОВЫЕ ЛЕВЫЕ»
И
ГЕРБЕРТ МАРКУЗЕ**

1970
серия

ФИЛОСОФИЯ

11—12

Э. Я. Баталов,
кандидат философских наук

**«НОВЫЕ ЛЕВЫЕ»
И
ГЕРБЕРТ МАРКУЗЕ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
Москва 1970

Эдуард Яковлевич Баталов

«Новые левые» и Г. Маркузе.

В брошюре дается социально-классовая характеристика движений так называемых «новых левых» — одного из современных антимонополистических движений внутри капиталистического общества. Вскрывается иллюзорно-критический характер концепций Г. Маркузе, претендующего на роль создателя «новой» революционной теории.

Автор показывает научную несостоятельность социально-утопической доктрины Г. Маркузе, принижающей историческую миссию рабочего класса и тем самым наносящую вред международному коммунистическому движению.

УФБ

«Новые левые» на современной исторической арене

Минувшее десятилетие займет в истории современной антикапиталистической борьбы важное место как период всколыхнувшихся капиталистических стран массовых движений протеста против господствующих в буржуазном обществе социальных отношений, как период крушения многих иллюзий и мифов, которые еще совсем недавно могли показаться прочно укоренившимися в сознании «среднего американца» или «среднего европейца».

Не случайно американский журнал «Тайм», подводя итоги шестого десятилетия XX века, с тревогой писал:

«Светлые перспективы, с которых начались 60-е годы, обернулись замешательством и почти отчаянием в конце уходящего десятилетия... На протяжении этого десятилетия все новые и новые группы выпадали из общего национального потока, и над страной гремели воинственные декларации протеста и революции»¹.

Наиболее решительным выразителем этого протеста, как отмечает «Тайм», стала

«молодежь из среднего класса, — вместе с ее почитателями и подражателями из среды взрослых, — восставшая, как и романтики XIX столетия, против общества, которое, как она считает, стало чрезмерно регламентированным, непомерно систематизированным и индустриализированным... Они внесли новый дух в романтическую веру в природу человека и объявили признанные институты общества в ее поругании»².

Давая в целом упрощенную и одностороннюю трактовку и оценку социальных явлений, попавших в поле его зрения, «Тайм» тем не менее чутко схватывает одну из наиболее значительных тенденций социально-политического развития аме-

¹ «Time», 19/XII 1966.

² Ibid.

риканского общества в минувшем десятилетии: «выпадение» из общего «национального потока» новых социальных групп, отвергающих существующие общественные порядки, порывающих с теми идеалами, которые господствующий класс пытается навязать рядовому гражданину в качестве общенациональных идеалов и требующих коренных социально-политических преобразований.

У американской буржуазии, несомненно, есть основания для беспокойства. Студенческая молодежь, еще несколько лет назад казавшаяся политически индифферентной силой (недаром сами американцы окрестили ее «молчаливым поколением»), обнаружила вдруг небывалую политическую активность. Начав с борьбы за право на активное участие в политической деятельности, за реформу системы высшего образования и высвобождение его из-под контроля военно-промышленного комплекса, американские студенты и примкнувшая к ним часть интеллигенции выдвинули ряд требований, которые перекликались с антимонополистическими, антимилитаристскими, антирасистскими лозунгами движения борцов за гражданские права и за изменение внешнеполитического курса США — прежде всего за прекращение агрессивной войны во Вьетнаме. Как отмечает американский профессор Кеннет Кенистон, уже в течение ряда лет исследующий движение американских леворадикалов, их отличает критическая позиция в отношении современной политической жизни и нетерпимость по отношению к традиционным политическим институтам.

Общим для них, — делает заключение Кенистон, — является резко критическое отношение к политике военно-промышленного комплекса, отрицание дискредитировавшего себя традиционного либерализма; требование создать новые социальные и политические институты. В области внешней политики они требуют отказа от антикоммунистического курса, поддержки национально-освободительного движения в странах «третьего мира». В области внутренней политики они выступают за укрепление местной автономии, радикальную борьбу против бедности, расизма и дискриминации¹.

Тенденция к «распаду общего национального потока», т. е. к обострению классовой борьбы и активизации леворадикальных сил, отчетливо проявилась в конце прошлого десятилетия не только в США, но и во многих других секторах капиталистического мира, прежде всего в развитых странах Западной Европы, где у буржуазии наряду с ее основным врагом — организованным рабочим классом — появился новый радикально настроенный противник в лице левого студенчества и интеллигенции.

Майско-июньские события 1968 года во Франции, когда

¹ См. Keniston K. Young Radicals. Notes on Committed Youth, N. Y., 1968.

страну потрясли грандиозные выступления учащейся молодежи и интеллигенции и мощное забастовочное движение, в котором приняли участие около 9 миллионов рабочих, явили пример такого социального взрыва, какого страна не знала, как утверждают некоторые французские историки, со времен Парижской коммуны. Массовое движение непролетарских слоев против господствующих общественных отношений охватило в конце прошлого десятилетия и Западную Германию, Японию, а также ряд других стран Азии, Латинской Америки и Африки. Демонстрации, митинги, забастовки, кровопролитные столкновения с полицией стали типичным явлением для столиц и крупных городов многих капиталистических стран в конце 60-х годов.

Движение сил протеста (за которыми в современной социологической и политической литературе прочно закрепилось название «новые левые») явилось практически о п р о в е р ж е н и е м широко распространенных в буржуазной политической науке 60-х годов (и подхваченных буржуазной пропагандой) концепций об «интегрированном» характере развитого капиталистического общества, о стабильности современного капитализма, о «конце» идеологии. Оно поставило перед политиками и теоретиками ряд очень сложных вопросов, касающихся перспектив дальнейшего развития капиталистического общества, состава и организации антикапиталистических сил, форм и тенденций дальнейшего развития мирового революционного процесса и т. п. Не удивительно, что анализ и оценка причин, сущности и перспектив, а также социальной роли современных леворадикальных сил стали сегодня предметом острейшей идеологической борьбы, в которую оказались вовлеченными философы, социологи, политики, художники самых различных политических направлений и теоретических ориентаций. Парижские улицы едва освободились от баррикад, а на прилавки магазинов уже легли первые книги о «красном» мае, «о великом студенческом бунте»¹. Борьба, развернувшаяся в мае 1968 года на улицах, продолжается сегодня на страницах книг и журналов — продолжается с немейшим ожесточением, ибо реакционные силы стремятся взять реванш за то моральное поражение, которое они потерпели в мае, дискредитировать движение протеста, разобщить антикапиталистические силы.

В многоцветном спектре оценок «нового левого» движения сегодня уже четко обозначились два полюса: апологетический восторг и резкая неприязнь — скрытая или откровенная. Для одних движение леворадикалов — истинно и безгрешно и заслуживает лишь безоговорочного поощрения, ибо от него од-

¹ Уже к концу 1968 года в одной только Франции было опубликовано свыше 100 трудов о движении «новых левых» и майских событиях.

ного зависит будущее нынешних и грядущих поколений, и не «виновным» «отцам» поучать бунтующих «детей», что именно им следует делать, если «отцы» хотят искупить свой «грех» «терпимого» отношения к существующему обществу. Парадокс, правда, заключается в том, что на этой позиции стоят прежде всего сами идеологи «нового левого» движения, т. е. те, кто поучал леворадикалов и прежде всего студентов, что и как надо им делать. Наиболее ярко и образно эта позиция была выражена французским философом и писателем Жан-Полем Сартром.

Еще в июне 1968 года Сартр, горячо поддерживавший французских леворадикалов, с тревогой предупреждал:

«Нужно помешать тому, чтобы было раздавлено, как это предусматривает правительство, все, что началось в мае. Репрессии будут одновременно хитрыми и жестокими: постараются изолировать, сломить, устранить тех, кто был причиной мятежа, особенно студентов. Очень важно, чтобы они не чувствовали себя одинокими и чтобы все мы были полны решимости помогать им и защищать их»¹.

Впоследствии Сартр уточнил, что «помогать» — значит во всем соглашаться с ними, ориентироваться на них, идти за ними. Обращаясь к «отцам», т. е. к старшему поколению, Сартр восклицает:

«Отцы, не забывайте, что ваши дети — единственная ваша надежда. От вас зависит, расправитесь ли вы с ними — гадкие мальчишки! — во имя гуманизма, оставят ли они вас, как поколение ничтожное, разлагаться в полном забвении в черной яме, ждущей вас, или же они спасут вас от небытия: сами вы не опасаетесь, говорю я вам»².

Но есть и другой полюс, другие философы и политики, для которых «новое левое» движение — это нечто демонически злое, насквозь порочное, а сами леворадикалы, особенно студенты — это «нарушители общественного порядка» (благо что многие из них носят джинсы, ходят с бородами и распущенными волосами, а во время демонстраций «высаживают» зеркала в витрины на Елисейских Полях), это «папенькины сынки». Именно так писал об итальянских леворадикальных студентах известный поэт Пьер Паоло Пазолини в своей шумевшей поэме — памфлете «ИКП — Молодежи» (вызвавшей критику со стороны итальянских коммунистов).

«Сейчас, — восклицает Пазолини, обращаясь к студентам, — журналисты всего мира... лезут вам спать... А я — нет, дорогие. У вас лица папенькиных сынков. Я вас ненавижу, как ненавижу ваших отцов. Яблоко от яблони недалеко падает... Вы боязливы, неуверенны, разочарованы (прекрасно), но вы можете быть и самодурами, шантажистами, самоуверенными и наглыми: мелкобуржуазные прерогативы, дорогие. Когда вчера

¹ «Nouvelle Observateur», 24/VI 1968.

² Цит. по журн.: «Иностранная литература», 1969, № 10, стр. 237.

в Валле Джулия вы подрывают с полицейскими, я сочувствовал полиции своим...»¹.

Этот же мотив, не столь, правда, страстно выраженный и больше окрашенный аристократическим высокомерием, звучит у Раймона Ароа, который, издеваясь над теоретической беспомощностью леворадикалов, цитирует Прудона: «Сделали революцию без идеи. Французская нация — нация комедиантов»². Неприязнь к леворадикалам проглядывает в откликах на «новое левое» движение Джорджа Кеннана, Збигнева Бжезинского и некоторых других буржуазных философов и политиков, прокапиталистическое кредо которых хорошо известно. Такова ирония истории, сводящая порою в один лагерь и защитников буржуазии, и ее яростных критиков, и «нейтральных» созерцателей, испытывающих страх перед радикально настроенной массой и разделяющих обывательские предрассудки против «левых».

Следует, впрочем, заметить, что среди тех, кто занимает в целом отрицательную позицию по отношению к «новым левым», оказался ряд представителей западной интеллигенции, которые увидели в движении леворадикалов угрозу подлинным культурным ценностям человечества или более того — угрозу возрождения фашизма. Вспоминая о том, как эксцентричные банды «молодых социалистов» в Германии на рубеже 20-х и 30-х годов стали нацистами, известный английский поэт Рой Фуллер спрашивает с тревогой:

«А что, если огромная масса молодых революционеров, скопившаяся сегодня в Европе и Америке, окажется в конечном счете тоже мелкой буржуазией, «взбесившейся» от ужаса перед капитализмом»³.

Истоки отмеченных различий в оценках следует, по-видимому, искать прежде всего в понимании причин, социальной сущности и перспектив «нового левого» движения. О них и стоит поговорить прежде, чем определить свое, марксистское отношение к высказываемым оценкам и к самому леворадикальному движению.

В движении «новых левых», — говорят одни, — нет ничего нового и загадочного, это обыкновенный «ремейк» (remake), т. е. «возврат моды».

«За последние пять-шесть лет, — утверждает итальянский писатель Гоффридо Паризе, — участились явления ремейка... Сейчас начинают производить автомобили, похожие внешними очертаниями на автомобили 30-х годов, сейчас возвращается и в одежде и в мебелировка мода 30-х годов... В каком-то смысле, — продолжает Паризе, — и само «движение протеста» является повторением прошлого, а не оригинальным движением; оно становится имитацией исторического движения, имитацией подлинной революционности, в свое время порожденной реальной и органической потребностью»⁴.

¹ L'Espresso, 16/VI 1968, p. 13. Перевод М. Белозой.

² R. Aron. La Révolution introuvable, P., 1968.

³ А. Караганов. Художник в сложном мире. — «Иностранная литература», 1969, № 10, стр. 236.

⁴ «Иностранная литература», 1969, № 9, стр. 225.

Париже, а вместе с ним и те, кто разделяет эту точку зрения, явно упрощают проблему. Даже если допустить, что перед нами — простое «повторение пройденного» (а это, как мы увидим, далеко не так), то следует все же объяснить, какими глубинными причинами оно вызвано, ибо «имитация исторического движения» — это все-таки не копирование модной шляпки. Как мудро заметил еще Гегель, история ничего не делает без достаточной на то необходимости, и вопрос об исследовании этой необходимости не может быть снят простой ссылкой на «возврат моды».

Дело не в «ремейке», — возражают другие, — «новые левые» — это молодежь, а молодежь всегда бунтовала против «отцов». Причина современного леворадикального движения в традиционном возрастном (принимаящем лишь новые формы) конфликте между «отцами», удовлетворенными существующей системой социально-политических институтов и ценностей (так называемым «истеблишментом») и «детьми», недовольными существующим порядком вещей, или несколько шире — в

«мятеже против социального, родительского или мужского авторитета»¹. «Конфликт поколений, — пишет в своей последней книге (она так и называется: «Конфликт поколений») американский философ реакционно-консервативного направления Льюис Фойер, — универсальный мотив в истории; он базируется на изначальнейших чертах человеческой природы и является, быть может, даже более существенной движущей силой в истории, чем классовая борьба... Самым ярким воплощением конфликта поколений в современной истории является студенческое движение»².

Однако большинство из тех представителей буржуазии, которые внимательно следили за развитием движения «новых левых», сходятся на том, что корни его следует искать глубже — либо в явлениях политической жизни современного общества (война во Вьетнаме, кризис на Ближнем Востоке и т. п.), либо в тех социальных тенденциях, которые проявились в большинстве развитых стран как результат научно-технической революции.

Бунт «новых левых», с последней точки зрения, рассматривается как открытое проявление противоречия между требованиями, выдвигаемыми «развитым индустриальным обществом» и «архаическими», «доиндустриальными» социальными рамками, в которые втискивается научно-техническая революция. Или, как говорил Сартр в июне 1968 года, — это протест против подчинения человека «необходимости производства», это требование личностного «суверенитета».

¹ См. Keniston K. Young Radicals. Notes on Committed Youth. N. Y. 1968.

² Feuer L. The Conflict of Generations. The Character and Significance of Student movements. N. Y. 1968, p. 527—528.

Студенты «не хотят больше, чтобы их существование зависело от предмета, который они производят, или от функции, которую они выполняют; они хотят сами решать, что они будут производить, как они будут использовать свою продукцию, какую роль они будут играть в обществе»¹.

По мнению некоторых сторонников этой концепции неудачи европейских леворадикалов оказываются обусловленными прежде всего индустриальной недоразвитостью таких стран, как Франция или Италия, не позволяющей сконцентрировать порожденные новыми социальными условиями силы протеста настолько, чтобы разрушить старые, архаичные социальные рамки. Но зато предсказываются гораздо более мощные (и победоносные) выступления студентов и интеллигенции в будущем.

Французский социолог Ален Турен, автор книги «Майское движение, или утопический социализм»² полагает, что Франция, по существу, делает лишь первые шаги в сторону развитого индустриального общества, но когда она вступит в него, ей придется еще испытать движения того типа, зародыши которого мы видели в мае 1968 года. Аналогичную точку зрения защищает Жан Блок-Мишель в своей книге «Революция XX века». Выступление студентов и интеллигенции в мае 1968 года Блок-Мишель рассматривает как революцию нового типа, первую революцию XX века³, которая являла собой первую конвульсию общества, скованного устаревшими формами. Реакцию на формирование индустриального общества видит в майском движении и Раймунд Арон, с той, правда, существенной разницей, что в требованиях леворадикалов, в частности в требовании «прямой демократии», он усматривает тоску по доиндустриальному обществу.

Поиски корней современного леворадикального движения в сфере социально-политических явлений, несомненно, более плодотворны, чем поверхностные ссылки на «возврат моды» или «бунт молодой крови». Но и у Сартра, и у Арона, или Турена анализ феномена современного леворадикализма (несмотря на ряд глубоких замечаний) оказывается в целом искаженным и односторонним, поскольку общество, породившее «новых левых», предстает в их анализе не как общество капиталистическое с присущими ему специфическими законами и проблемами, а как абстрактная «модель» «современного индустриального», «технократического» или даже «тоталитарного» общества, мало чем отличающегося, с их точки зрения, от современного социалистического общества.

Марксистский анализ «нового левого» движения, напротив, основывается на классовом подходе к этому феномену, на рассмотрении его в контексте тех противоречивых тенденций, которые характеризуют современное технически высокоразвитое капиталистическое общество или, если речь идет о «третьем мире», связаны с процессами, про-

¹ «Nouvelle Observateur», 24/VI 1968.

² A. Teuzaine. Le mouvement de Mai ou le communisme Utiqque, P., 1968.

³ Block-Michel J., Une Revolution du XX-e siecle. P., 1968.

текающими в недрах современного капитализма, с переходом от одной системы общественных отношений к другой.

Одним из характерных проявлений общего кризиса капитализма в современную эпоху — эпоху перехода человечества от капитализма к социализму и коммунизму — является «расширение масштабов всемирного революционно-освободительного процесса и вовлечение в него все более широких, в том числе непролетарских, слоев населения»¹. В плане политическом этот процесс проявляется в гражданском пробуждении непролетарской массы, открыто выступающей против капитализма и провозглашающей ниспровержение буржуазных порядков своей конечной целью. В идейно-теоретическом отношении вовлечение непролетарских слоев в мировой революционный процесс находит проявление в разработке и распространении взглядов и теорий, выражающих критическое отношение к социально-политическим институтам и духовным ценностям современного капитализма. С точки зрения этого процесса и следует рассматривать современный левый радикализм, развивающийся за пределами международного коммунистического движения. Движение «новых левых» — это не дань моде, не вакханалия «золотой молодежи», это конкретное, наглядное проявление в современных условиях сложного процесса приобщения непролетарской массы (т. е. прежде всего выходцев из «средних слоев») к всемирному революционно-освободительному движению, возглавляемому рабочим классом. И тот факт, что выходцы из буржуазии стремятся порвать со своим классом (что, конечно, не просто), заслуживает не скептического отношения и презрения к этим «выходцам» (на манер Пазолини), а самого чуткого внимания, ибо являет в целом свидетельство усиления революционных процессов в современном мире.

Анализируя сущность «нового левого» движения, причины его возникновения, его динамику, необходимо прежде всего иметь в виду, что «новые левые» никогда не представляли собой силы, единой в политическом, организационном и идейно-теоретическом отношениях, причем не только в интернациональных, но даже в национальных рамках. Само это название служит скорее собирательным термином для обозначения различных потоков стихийного антиимпериалистического, антимонополистического, антимилитаристского, радикально-демократического движения непролетарских городских слоев. И хотя на всех этапах его развития студенты составляли значительную часть или даже ядро этого движения; последнее не ограничивалось одним лишь студенчеством и

¹ Ленинизм и мировое революционное рабочее движение, М., Политиздат, 1969, стр. 466. (Разрядка наша. — Э. Б.).

уже поэтому не может рассматриваться как типично молодежное движение, каких было немало в истории. Значительную часть «новых левых» составляет интеллигенция — прежде всего та все возрастающая в численном отношении часть интеллектуалов, которая формируется господствующим классом буржуазного общества в целях стабилизации отвечающей его интересам структуры общества, и которая обязана своим возникновением современной научно-технической революции и все более широкому использованию средств массовой коммуникации с целью манипулирования сознанием трудящихся¹. Среди «новых левых» мы видим также представителей так называемого «нового рабочего класса» — высококвалифицированных специалистов новейших отраслей промышленности. Наконец, активными участниками движения протеста в тех капиталистических странах, где национально-расовые проблемы продолжают оставаться нерешенными или даже обостряются (как в США), являются представители национальных и расовых меньшинств, многие лозунги и социальные требования которых часто становятся общими лозунгами и требованиями национальных отрядов леворадикальных сил².

Не менее важно учитывать то обстоятельство, что хотя активизация «новых левых» падает на вторую половину прошлого десятилетия, истоки его восходят к середине 50-х годов — периоду, насыщенному исторической важности событиями в жизни социалистического мира и международного коммунистического движения — событиями, потребовавшими серьезных размышлений о ходе современного исторического процесса со стороны как коммунистов, так и примыкавшей к ним прогрессивной интеллигенции капиталистических стран. Но как показывает история, такие периоды неизбежно связаны с кризисными явлениями в сознании определенной — особенно непролетарской — части общества, ее разочарованием в общих идеалах, формы реализации которых обнаружили, с их точки зрения, свою несостоятельность; в усилении политического нигилизма. Со временем этот нигилизм, вызванный крушением прежних идеалов, может превратиться в поведенческий стереотип, особенно если он подкрепляется какими-то

¹ Ален Турен выделяет среди активных участников майского движения во Франции следующие группы: студенты, научные работники и преподаватели высших учебных заведений, работники культуры — радио, телевидения, инженерно-технический персонал и высококвалифицированные специалисты промышленных предприятий. Примерно таков же был состав сил протеста в Италии и ряде других развитых капиталистических стран.

² Что касается стран «третьего мира», то здесь «новое левое» движение зачастую развивается в русле национально-освободительного движения, испытывая в политическом и идейном-теоретическом отношениях сильное влияние со стороны националистических движений, активизировавшихся в последние годы.

новыми социально-политическими явлениями. Именно так и случилось с «новым левым» движением в 60-х годах.

В этот период «новое левое» движение вобрало в себя те радикальные социальные движения непролетарских слоев, которые были вызваны кризисными явлениями внутри развитых капиталистических обществ, связанными с социальными последствиями научно-технической революции, усилением внешнеполитической экспансии империализма, с концептуально-теоретическим бессилием буржуазной социальной науки — словом, с обострением противоречия между растущей зрелостью предпосылок социализма, формирующихся в недрах капитализма и капиталистическим характером господствующих социальных отношений. Внешним выражением этого противоречия является крушение иллюзий и ценностей, на которых традиционно воспитывались «средний» европеец и «средний» американец. Кстати говоря, тот факт, что леворадикальное движение 60-х годов захватило в первую очередь Соединенные Штаты, знаменателен: именно в этой стране был создан и поддерживался культ «великих ожиданий» и именно здесь резче всего проявился разрыв между ожиданиями и реальностью.

Научно-техническая революция, которую капитализм стремится использовать в качестве одного из важнейших рычагов мобилизации своих внутренних резервов, постепенное превращение науки в непосредственную производительную силу вызвали ряд существенных изменений в социальной структуре капиталистических обществ. Интеллигенция, ранее в массе своей непосредственно не вовлеченная в процесс производства прибавочной стоимости, теперь постепенно превращается — в значительной части — в «пролетариев умственного труда» (пользуясь выражением Поля Лафарга) и по своему социальному бытию сближается с рабочим классом¹. Однако процесс пролетаризации интеллигента, превращения его в «частичного рабочего» (занятого как в сфере материального, так и в сфере духовного производства) в большинстве случаев еще не находит адекватного отражения в его сознании. Изменение его социального положения вызывает у него протест против господствующих социальных — капиталистических — отношений, против бюрократизации общественной жизни, роста антидемократических тенденций, сужающих «пространство» для проявления личной инициативы, против авантюристи-

¹ Вопрос о влиянии научно-технической революции на антимонаполистическое и, в частности, на леворадикальное движение достаточно полно освещен в марксистской, в том числе и в советской литературе. См.: «Проблемы рабочего движения». М., «Мысль», 1968. «Научно-техническая революция и общественный прогресс». М., «Мысль», 1969; статья о студенческом движении и радикальной интеллигенции в журнале «Мировая экономика и международные отношения», 1969, № 2, № 4, № 11, № 12.

ческой внешней политики и расовой дискриминации — ибо все это, в конечном счете, влияет на его собственное социальное положение. Но этот протест принимает стихийный, негативный характер, ибо разрыв, существующий между сознанием и бытием леворадикальной некоммунистической интеллигенции, не позволяет ей без колебаний стать на позиции пролетариата и позитивно (программно, организованно) оформить свой социальный протест.

Изменения в структуре капиталистического производства, связанные с научно-технической революцией, привели к изменению социального состава, перспектив, а в конечном счете и роли студенческой молодежи в развитом капиталистическом обществе. Потребность в возрастающей массе высококвалифицированных специалистов заставила буржуазию шире открыть двери университетов для выходцев из рабочих, крестьян, мелкой буржуазии. Но при этом студент как будущий интеллигент лишился тех гарантий привилегированного социального положения, которые были ему обеспечены еще каких-нибудь двадцать лет назад. Его будущее — это (по крайней мере для значительной части студенчества) будущее нынешнего — недовольного своим положением — интеллигента. И его «бунт» — это острая массовая реакция на неудовлетворяющую его перспективу собственного социального бытия. Отсюда (имея в виду также общий рост студенческой массы) превращение учащейся молодежи в одну из активных социальных сил, которая, однако, вследствие наличия у нее, как и у интеллигенции, разрыва между сознанием и бытием, недостаточной идейно-политической зрелости, помноженной на присущую этой части молодежи радикальность (связанную, на наш взгляд, с меньшей мерой социальной ответственности, обусловленной неустойчивым, временным характером группового статута), не всегда готова в массе своей последовательно идти за рабочим классом и выступать в тесном контакте с коммунистами.

Следует учитывать и такой существенный фактор формирования «нового» левого радикализма, как сложность мирового революционного процесса (связанная в значительной степени с фактом сосуществования и противоборства двух мировых систем), сложность процесса строительства социализма и перехода от социализма к коммунизму.

Противоречивый характер этих процессов разрушает хрупкие иллюзии, возникающие порой на базе идеализации процесса создания нового типа общественных отношений и типичной для антикапиталистически настроенного обывателя оценки реальных явлений с точки зрения им самим же созданного идеала. Но разрушение одной иллюзии порождает новые иллюзии — зачастую радикального, революционаристского свойства — особенно у выходцев из мелкобуржуазных

слоев, которые, кстати говоря, составляют весьма значительную часть «новых левых».

Обобщая исторический опыт приобщения непролетарских слоев к рабочему движению в конце XIX—начала XX века, Ленин отмечал, что «привлечение новых и новых «рекрутов», втягивание новых слоев трудящейся массы (в рабочее движение — Э. Б.) неизбежно должно сопровождаться шатаниями в области теории и тактики, повторениями старых ошибок, временным возвратом к устарелым взглядам и к устарелым приемам и т. д.»¹.

Опыт «нового левого» движения подтверждает справедливость ленинского вывода и по отношению к современной эпохе.

Приобщение непролетарской массы к революционному процессу принимает порой парадоксальный характер: провозглашая своей конечной целью ниспровержение господствующих в буржуазном обществе отношений или даже установление социалистических отношений, эти слои (в лице своих идеологов) противопоставляют движение непролетарских масс революционному движению пролетариата — могильщика капитализма, а свои антибуржуазные «критические» теории — марксизму — этой «алгебре революции». Провозгласив свой радикальный разрыв с силами, выступающими за сохранение существующих в буржуазном обществе порядков, «новые левые» не влились в организованное коммунистическое и рабочее движение, не сумели установить контакт с рабочими организациями. Более того, во многих случаях, как уже отмечалось, они противопоставляли себя как силу «революционную» — пролетариату, как силе «консервативной». В неменьшей степени этот изоляционизм, граничивший подчас с высокомерием, проявлялся и в позиции, занятой некоторыми лидерами «новых левых» по отношению к революционной партии рабочего класса, в которой они были склонны видеть «партию порядка».

Противоречивость отношения «новых левых» к рабочему классу, к силам социализма, к коммунистическому движению нашла отражение уже в самом понятии: «новые левые». Называя себя «левыми», сторонники движения протеста стремились этим самым подчеркнуть свое негативно-критическое отношение к капиталистической действительности, к правым силам, а тем самым солидарность со всеми, кто выступает против правых сил, кто ведет наступление на истеблишмент. В «Письме к новым левым», опубликованном осенью 1960 года в «Нью Лефт Ревью», один из идеологов этого движения, Райт Миллс, писал:

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 65.

...нам часто приходится слышать от ограниченных людей определенного сорта, что в наше время понятия «левые» и «правые» потеряли свой смысл — с точки зрения как истории, так и разума. Мне кажется, что мы должны ответить им примерно так:

Быть «правым» означает, между прочим, признавать и поддерживать существующее общество. Быть «левым» значит, или должно значить, как раз обратное: изучать и критиковать всю структуру общества и создавать такие теории общества, которые, будучи политически заострены, становятся требованиями программы... Быть «левым» означает связывать критику культуры с критикой политики, а то и другое — с требованиями и программами. И притом во всех странах мира».

Но, называя себя «левыми», участники движения протеста вместе с тем подчеркивают, что они «новые левые». Смысл этого акцента очевиден: выявить свою идейно-теоретическую и политическую самостоятельность по отношению к «традиционным» левым силам и их организациям — прежде всего рабочим, как «интегрированным в систему», демонстративно отмежеваться от них. Этот радикальный разрыв как с правыми силами, стоящими на страже истеблишмента, так и с «традиционными» левыми силами предопределил внутреннюю противоречивость (в теоретическом и социально-политическом плане) как самого «нового левого» движения, так и его социальных последствий — противоречивость, которая не дает права занимать по отношению к «новому левому» движению ни позицию безудержного восхваления, ни позицию полного отрицания.

В целом политические программы (именно программы, когда таковые вообще имеются, а не отдельные лозунги и требования) «новых левых» крайне абстрактны и аморфны. Различаясь по степени серьезности, глубине, конкретности, все они, начиная от откровенно вызывающих или преследующих лишь цель организации массового протеста «на момент»² и кончая программами, претендующими на выдвижение альтернативы требованиям крупнейших политических партий, характеризуются преобладанием радикально-негативного аспекта: полное разрушение господствующих институтов и отношений, тотальная революция, немедленный захват власти, создание принципиально новой культуры, радикальное изменение курса внутренней и внешней политики и т. п.

В той мере, в какой эти требования шли в русле общих

¹ W. Mills C. Letter to the New Left. «New Left Review», 1960. Sept — Oct, № 5.

² В качестве примера здесь можно привести программы, выдвигавшиеся в мае 1968 года отдельными студенческими группами в Сорбонне. Вот одна из них «CRAC» подвергает критике:

- существование бога,
- паритетные комиссии,
- революцию,
- пуп Будды... и т. д.» (Цит. по ст.: К. Г. Мяло. «Социальная динамика майского движения», — «Вопросы философии», 1969, № 6, стр. 54).

требований трудящихся и прежде всего рабочего класса, они носили прогрессивный характер и встречали полное понимание и поддержку со стороны прогрессивных социальных сил капиталистического общества, со стороны коммунистов. Отмечая на своем международном Совещании 1969 года, что «широкие массы студенчества выступают не только против недостатков отсталой системы обучения, не только за право иметь свои организации и эффективно участвовать в руководстве учебными центрами, но и против политики господствующих классов», коммунистические и рабочие партии отмечали, что «коммунисты высоко ценят подъем молодежного движения и активно в нем участвуют»¹. Высокую оценку борьбы студенчества и интеллигенции против политики монополий, против внешней и внутренней политики империализма дали в своих выступлениях на Московском международном Совещании коммунистических и рабочих партий 1969 года товарищи Вальдек Роше, Энрико Берлингуэр, Гэс Холл и другие².

Радикально-негативное отношение к истеблишменту нашло проявление не только в программах и лозунгах, но и в самом поведении «новых левых» (особенно его студенческой части), в котором присутствовали «...чрезвычайно сильные... элементы эпатажа и карнавала»³. Это поведение, пожалуй, и смутило больше всего часть интеллигенции прежде всего необычной формой отрицания леворадикалами существующей действительности. Тем более что эта форма напоминала знакомые «действия» «золотой молодежи» (весьма далекой от революционности), либо дурачества «хиппи», не имеющих, кстати говоря, прямого отношения к «новым левым».

Действительно, напыщенной «серьезности» фальшивых политиков буржуазного общества «новые левые» противопоставляли иронию, лицемерной буржуазной морали — «свободную любовь», бюргерской размеренности и аккуратности — «жизнь богемы»... Но эти формы поведения, в которых благонамеренный буржуа не мог увидеть ничего, кроме «распутшенности», по сути своей не имели ничего общего с поведением «золотой молодежи». «Золотая молодежь» утверждает образ жизни буржуа, выставляя напоказ его тайные пороки, которые он тщательно скрывает от окружающего мира. Напротив, леворадикальное студенчество своим образом поведения отрицает (в детски наивной и вызывающей форме) образ жизни буржуа, выворачивая наизнанку и тем самым отвергая ценности, которые конформист публично защищает.

Отрицание истеблишмента молодыми леворадикалами, зна-

¹ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий», М., 1969, — «Мир и социализм», Прага, 1969, стр. 27.

² Там же, стр. 138—140, 480—481, 548—549.

³ К. Ф. Мяло. Социальная динамика майского движения, — «Вопросы философии», 1969, № 6, стр. 54.

меновавшее пробуждение социальной активности в массе молодежи, т. е. среди тех, кому предстоит преобразовывать в грядущие десятилетия старый мир, является, быть может, одной из самых знаменательных и перспективных черт «нового левого» движения. Но не есть ли это безадресная активность, прекраснодушный идеализм — могут возразить нам, — ведь новые левые не очень-то склонны придавать своим политическим настроениям статус конкретных политических программ, четко определять его цели и задачи?

Да, ответим мы, безусловно, отсутствие четких программных ориентиров, радикально-негативная направленность их социальной активности во многом обесценивают движение леворадикалов и лишают его права претендовать на «ведущую» роль в освободительном движении. Ведь именно с этой радикально-негативной ориентацией связано характерное для «новых левых» (и вообще типичное для всякой «левизны») пренебрежительное отношение к социально-экономическим требованиям, выдвигаемым рабочим классом, как требованиям «нереволуционным», «несущественным».

Отдавая себе более или менее ясный отчет, против чего они ведут борьбу, «новые левые» (особенно его студенческая часть) весьма слабо представляют себе, какие институты и отношения должны прийти на смену разрушенным, каким образом следует разрушать старое и строить новое. Более того, в ряде случаев одним из основных программных требований оказывался вообще всякий отказ от каких бы то ни было конкретных программ (которые, как полагали леворадикальные идеологи) должны выкристаллизироваться в дальнейшем, в ходе самой борьбы, продиктованные ее внутренней логикой¹, разрыв с теорией и проповедь стихийной практики². Именно это отсутствие у «новых левых» четко выраженного классового подхода к анализу конкретной расстановки социальных сил в масштабах отдельных капиталистических стран и в мировом масштабе, приносимое в жертву максималистскому радикализму; именно это игнорирование экономической борьбы, это нежелание и неумение выработать конкретную, реалистическую программу политических действий, опирающуюся не на

¹ Этой идеей пронизана книга одного из лидеров анархистского течения «22 марта» внутри французской «новой левой» Даниэля Кон Бендита (написанная им совместно с братом Габриэлем Кон-Бендитом) «Левизна — средство против старческой болезни коммунизма» (Cohn-Bendit D., Cohn-Bendit G. Le Gauchisme. Remède a la maladie sénile du communisme. P., 1968).

² Так, характеризуя «движение 22 марта», его вожаки, Даниэль — Кон-Бендит и Жан-Пьер Дютейль признавали, что «оно не было организацией, проводящей съезды, и не имеет заранее выработанной политической линии. До настоящего времени его деятельность была эмпирической» (Sauvageot I., Geismar A., Cohn-Bendit D., Duteuil I. P. La Revolté Etudiante, P., 1968, p. 60).

утопию, а на науку, было и продолжает оставаться одним из препятствий на пути создания политического антимонополистического, антимпериалистического союза леворадикальных сил и рабочего класса, руководствующегося марксистско-ленинской теорией.

Более того, отождествление «радикализма» с «революционностью» или даже сведение революционности к радикализму — типичная черта всех «левых» движений, особенно движений радикальной молодежи, не имеющей за плечами опыта политической борьбы, — порождало среди определенной части «новых левых» скептически-пренебрежительное отношение к организованному рабочему классу и его политическому авангарду, для которых революционная борьба никогда не представляла в какой-то одной форме и для которых процесс революционной ломки никогда не был отделен от процесса революционного созидания¹.

Но, не замалчивая этих явных слабостей движения леворадикалов и открыто критикуя их за это, коммунисты вместе с тем не могут согласиться с буржуазно-филистерским выводом о том, что проявляющаяся в негативизме социальная активность «новых левых» имеет цель «в себе самой». В этой активности находит воплощение пробуждение чувства личной причастности к историческому творчеству, осознание — пусть еще смутное — необходимости и возможности оказать воздействие на ход исторического процесса, взять в собственные руки не только личную судьбу (к заботе о личном prosperity американца приучают с детства), но и судьбу поколения, народа, человечества. А чувство причастности рождает чувство гражданской ответственности, коллективизма — качества, без которых немислимо революционное преобразование буржуазного общества. Насколько знаменательна данная тенденция, можно судить по состоянию социальной апатии и пассивности, в которых находилась масса «средних» американцев и европейцев (в том числе и часть молодежи) в последние десять-пятнадцать лет².

¹ «При таких обстоятельствах, какие сложились в мае-июне, — писал член ЦК ФКП товарищ Ги Бесс, — мы видели, что преподавателей и студентов, никогда не принимавших участия в политической борьбе, внезапно схватила лихорадка. Увлеченные порывом, который сближал и перемешивал тех, кто еще вчера чувствовал себя «одиноким», эти люди вдруг подумали, что это — «последний решительный бой», что все возможно...

Поскольку происходило нечто такое, что было похоже на их представление о том, какой должна быть «революция», они не могли допустить, чтобы другие смотрели на дело иначе», («France nouvelle», 7.VIII. 1968. Разрядка наша. — Э. Б.).

² Недавно американский журналист Сгаде Тёркел выпустил книгу «Улица разделения: Америка», в которой восприсизвал подлинные портреты группы рядовых американцев, живущих на «рядовой» улице Чикаго. Это разные люди, но большинство из них объединяет чувство полного

Но не приведет ли эта активность к результатам, обратным ожидаемым; не используют ли ее реакционные силы, чего опасается Рой Фуллер? Да, такая опасность не исключена. Однако серьезное отношение к вопросу о потенциальной опасности резкого поправления «новой левой» не должно обернуться крайностью нигилистического отношения к молодым леворадикалам. Во-первых, потому, что вряд ли вообще могут существовать такие радикально-критические антикапиталистические движения, выросшие на почве прежде всего эмоционально-нравственного отрицания «данного» мира и не опирающиеся на научную теорию, которые были бы полностью гарантированы от регрессивных тенденций. А ведь именно через такого рода движения происходит приобщение значительной части непролетарской массы к рабочему движению, руководствующемуся теорией научного социализма. Во-вторых, усиление регрессивных тенденций в «левых» движениях, переход их представителей на правые позиции происходят именно тогда, когда прогрессивные силы не уделяют должного внимания леворадикальным движениям, когда они не берутся за новых левых и, в частности, за молодежь, не используют возможности молодежного движения и не учитывают их особенности. Почему часть молодежи в Германии 30-х годов оказалась вовлеченной в ряды фашизма? Георгий Димитров в докладе на VII Всемирном конгрессе Коминтерна дал, как нам кажется, убедительный ответ на этот вопрос. «Говоря о молодежи, — отмечал Димитров, — мы должны открыто заявить: мы пренебрегли нашей задачей вовлечения масс трудящейся молодежи в борьбу против наступления капитала, против фашизма и угрозы войны; пренебрегли в ряде стран этой задачей. Мы недооценивали огромного значения молодежи в борьбе против фашизма. Мы не всегда учитывали особые экономические, политические и культурные интересы

бессилия перед лицом социальных стихий: перед властями, перед долларом, перед атомной бомбой.

«Джен Мауэрс, 24 года: «Меня ничто не трогает... Атомная бомба меня не беспокоит. Газет я не читаю. От меня ведь ничего не зависит, вот я и не беспокоюсь!»

Миссис Термен Паркер, пятьдесят с лишним лет: «Чему быть, того не миновать... Я так считаю, нет смысла волноваться, я все равно ничего сделать не могу...»

Лоис Артур, шестьдесят с небольшим лет: «Нет (мне), конечно, не все равно. Это мир, в котором я живу, как мне может быть все равно? Но ведь что я-то могу сделать?.. Я был идеалистом. Смешно! Теперь я считаю, что мы все должны быть счастливы, как обезьяны. Никаких проблем, только ешь, спи, ну а дальше что? Даже подумать страшно. Последние три года я бросил думать. Я просто существую от одного дня к другому». Так рассуждал чуть ли не каждый собеседник Теркела. См. «Иностранная литература», 1969, № 8, стр. 235, 242, 248, № 9, стр. 231. (Разрядка наша. — Э. Б.)

молодежи. Мы не обращали также должного внимания на революционное воспитание молодежи.

Все это весьма ловко использовал фашизм, перетянув в некоторых странах, в частности в Германии, значительную часть молодежи на антипролетарский путь...

Наши коммунистические союзы молодежи в ряде капиталистических стран все еще являются преимущественно сектантскими, оторванными от масс организациями. Их основная слабость заключается в том, что они все еще стараются копировать коммунистические партии, их формы и методы работы... Они недостаточно учитывают, что это организация со своими особыми задачами. Ее методы и формы работы, воспитания, борьбы должны быть приспособлены к конкретному уровню и запросам молодежи»¹.

Анализ, данный Димитровым, — это не только ответ на вопрос, почему тридцать лет назад прогрессивные антифашистские силы потеряли часть молодежи. Это еще и ответ на вопрос, что следует (учитывая исторический опыт) сделать прогрессивным силам сегодня, чтобы воспрепятствовать возможному переходу части молодых леворадикалов на позиции реакционной буржуазии, — вопрос, который забывают поставить либеральные интеллигенты, не идущие дальше беспокойства и с опаской глядящие на баррикады, воздвигаемые «разгневанной» молодежью.

Особую роль в современных условиях приобретает вопрос идейно-теоретического воспитания молодежи, ибо политическая беспомощность «новых левых», утопический характер их программ и лозунгов и стихийно-бунтарский характер их поведения во многом предопределялись характером той идеологии, пленниками которой они оказались.

Идеология «новых левых» — чрезвычайно сложный и внутренне противоречивый комплекс. Это скорее даже совокупность идеологий, возникших на базе непролетарских (особенно мелкобуржуазных) социально-политических и идейно-теоретических традиций и объединенных рядом общих черт, прежде всего радикальным отрицанием сложившейся системы буржуазных ценностей и институтов. Характеризуя американских «новых левых», теоретический журнал Коммунистической партии США «Полигикал аффэрс» писал:

«То, что можно назвать идеологией «новой левой», не поддается легкой оценке из-за того, что она чрезвычайно изменчива и никогда не является приемлемой для всего движения в целом. Дело усложняется еще и тем, что многие участники движения утверждают, будто они не связаны ни с какой идеологией и начинают с пустого места. Такая позиция сама по

¹ Г. Димитров. В борьбе за единый фронт против фашизма и войны. М., ОГИЗ, 1939, стр. 43—44.

себе может быть признана частью политического мирозерцания «новой левой»¹.

Эта характеристика вполне может быть отнесена не только к североамериканским, но и к западноевропейским, а в известной мере к афро-азиатским «новым левым».

Правда, после 1965 года, когда была дана эта оценка, произошли некоторые изменения в отношении ряда леворадикальных групп к идеологии. Теория «деидеологизации» утратила популярность среди основной массы «левых». Одновременно появились, казалось бы, намеки на возникновение некоего «общего знаменателя» в идеологии. Речь идет о «критической теории» американского философа и социолога Герберта Маркузе, которого западная пресса окрестила «международным идейным вождем бунтующих студентов»² и с теоретической деятельностью которого тесно связывают движение «новых левых» в последние годы.

Сам Маркузе, правда, отрицает свою причастность к современному леворадикальному движению.

«Я чувствую себя солидарным с движением «разгневанных студентов», — говорил Маркузе, — но я совсем не являюсь их глашатаям. Это пресса и общественное мнение наградили меня таким титулом и сделали из меня ходкий товар»³.

В этих словах есть известная доля истины: европейская буржуазия искусственно создала «культ» Маркузе, сделав ему такую рекламу⁴, которой может позавидовать любая голливудская кинозвезда и которая заставила говорить о нем даже тех участников леворадикальных движений, которые никогда не брали в руки его книг. Однако недооценивать связь Маркузе как теоретика с «новым левым» движением не менее

¹ I. Proctor. The New-Left «Political affairs», 1965, p. 34. Цит. по сб.: «Проблемы рабочего движения». М., «Мысль», 1968, стр. 345.

² «L'Express», 19.V. 1968.

³ «L'Express», 21.XI. 1968.

⁴ Как справедливо отмечает Ги Бесс, рекламная шумиха, поднятая буржуазией вокруг Маркузе и других идеологов современного левого радикализма, ставит своей целью пропаганду теорий, обладающих всеми внешними признаками антикапиталистического радикализма (который отвечает умонастроению непролетарской революционной массы), но, по сути своей, призванных «нейтрализовать» влияние марксистской теории и посеять недоверие к коммунистической партии. «Ведь не случайно буржуазная печать, — пишет Ги Бесс, — так прославляла Маркузе во время его пребывания в Париже. В течение последних месяцев «Монд», «Комба», «Экспресс», радио и т. д. уделяли высказываниям и действиям меньшинства маоистских, геваристских, троцкистских и т. д. студентов внимание пропорционально той враждебности, которую эти группы проявляли не к капитализму, а к Французской коммунистической партии» («France Nouvelle», 7.VIII.1968. Разрядка наша. — З. Б.).

опасно, чем и переоценивать ее¹. Маркузе далек от движения «новых левых», поскольку он не принимал непосредственного активного участия в их политических выступлениях и поскольку «новое левое» движение с точки зрения его антикапиталистической направленности можно рассматривать в целом как явление прогрессивное, чего нельзя сказать о позиции Маркузе. Но Маркузе, бесспорно, оказал сильное идейное воздействие прежде всего на леворадикальную элиту. Разве не Маркузе постулировал ряд положений, принимаемых леворадикалами за аргументированную критику отношений господства — подчинения, ниспровержение которых «новые левые» провозгласили своей целью и которые дали основание практическим участникам майских событий заявить устами Кон-Бендита: «Маркузе для нас — точка опоры»? Разве не Маркузе подталкивал «новых левых» на радикальный разрыв с «традиционной политикой» и «традиционной идеологией», к которым он относил политику компартий и марксистско-ленинскую теорию? Разве не Маркузе восхвалял как раз наиболее слабые стороны теории и практики «новых левых». И если было бы чрезмерным перелгать на плечи Маркузе всю ответственность за тот раскол, который был внесен в оппозиционные господствующему режиму силы, за отклонение «нового левого» движения в сторону антиинтеллектуализма и анархии, за возникновение того идейного вакуума, который явился следствием крушения утопических иллюзий, то столь же неправомерным было бы освобождать его от всякой ответственности за эти последствия.

Конечно, Маркузе не был ни первым, ни единственным идеологом леворадикалов, и его теория была совсем не так оригинальна, как это стремились представить его ярые сторонники и буржуазная реклама. Формирование идеологии «новых левых», особенно в начальной стадии, тесно связано с именем известного американского буржуазно-либерального социолога Райта Миллса, автора широко известной книги «Властвующая элита», которого многие не без основания называют «духовным отцом» «новых левых»². Именно Райт Миллс стал пропагандировать в конце 50- годов тезис об утрате рабочим классом развитых капиталистических стран своей исторической роли и о выдвижении интеллигенции в качестве революционной силы, которая будто бы должна прийти ему на смену — тезис, который впоследствии был подхвачен и развит Гербертом Маркузе. Именно Райт Миллс направил осенью 1960 года письмо в журнал «New Left Review», в

¹ Надо заметить, что приведенное выше высказывание Маркузе относится к концу 1968 года, т. е. к тому периоду, когда волна леворадикального движения во Франции, Италии и других развитых капиталистических странах пошла на спад и когда стали очевидны все слабости этого движения — и в политическом, и в теоретическом отношениях. В этих обстоятельствах Маркузе было невыгодно предстать в роли «генерала, проигравшего сражение», и удобнее было просто отрицать свою связь с движением.

² Хотя теперь уже трудно точно установить, кто первым ввел в оборот сам термин «новые левые», есть основания полагать, что и здесь пальма первенства принадлежит Райту Миллсу.

котором предпринял попытку сформулировать некоторые программные положения «новых левых». И хотя Маркузе редко ссылается на Миллса, можно без преувеличения сказать, что он ведет свою родословную как идеолог «революционного радикализма» от автора «Властвующей элиты».

Большое влияние на «новых левых», особенно на представителей национальных меньшинств в США, и на левых радикалов развивающихся стран Азии и Африки оказал Франс Фанон. Его работы и прежде всего вышедшая в 1961 году в Париже книга «Проклятием заклеенные земли» стали, по выражению американского публициста Джона Эренрайха, «библией для новых, американских революционеров, черных и белых». Выходец с Мартиники, Франс Фанон был тесно связан с алжирским Фронтом Национального Освобождения как врач, дипломат, журналист, теоретик. Выступая с позиций теории о «нациях-буржуа» и «нациях-пролетариях», Фанон выдвигает тезис о том, что пролетариат развитых капиталистических стран «обуржуазился» и перестал быть движущей силой мировой революции, авангардом «проклятием заклеенного мира голодных и рабов» — ему на смену пришли народы «третьего мира», которые и должны, объединившись и достигнув стадии «психологического освобождения», повести за собой угнетенных на штурм цитадели империализма. Этот тезис, подкрепленный дополнительными аргументами из арсенала маоизма, также подхвачен и развит Маркузе, особенно в его последней работе «Очерк об освобождении», опубликованной в 1969 году.

Если революционаристские концепции Миллса, Маркузе, Даниэля Кон-Бендита получили распространение в основном в Соединенных Штатах Америки и Западной Европе, а Фанона — в «гретом мире», то леворадикальные силы стран Латинской Америки находятся прежде всего под влиянием идей Режи Дебре, книга которого «Революция в революции» оказала влияние на определенные отряды международного коммунистического движения стран Латинской Америки, выступающие с позиций «левого» революционаризма, равно как и на некоммунистическую часть демократического, антиимпериалистического движения латиноамериканского региона.

Среди тех, кто не примыкал непосредственно к «новым левым», но внес тем не менее свою «долю» в формирование современной леворадикальной идеологии, следует упомянуть прежде всего Жан-Поля Сартра. В свое время он выступил в качестве «крестного отца» Франца Фанона, написав сочувственное предисловие к его книге «Проклятием заклеенные земли». Во время майских событий 1968 года во Франции Сартр принимал живое участие в дискуссиях, развернувшихся среди студентов, недвусмысленно заявляя о своих идейных и политических симпатиях к Даниэлю Кон-Бендиту¹. Это также французский философ и социолог, Анри Лефевр, во многом солидаризирующийся с Сартром и Маркузе² и переоценивающий роль леворадикальных сил в современном обществе.

Наконец, следует упомянуть о группе молодых идеологов «новых левых», выдвинувшихся в последние годы, среди которых, помимо братьев Даниэля и Габриэля Кон-Бендитов, надо назвать германского поэта

¹ См. его «Воображение у власти» (содержащую запись беседы Сартра с Даниэлем Кон-Бендитом) — «Nouvelle Observateur» 20 мая 1968 г. и «Новая идея мая 1968 года» «Nouvelle Observateur» 24 июня 1968 г.

² В одной из своих последних книг «Повседневная жизнь в современном мире» («La vie quotidienne dans le monde moderne», Р., (1968), вышедшей в Париже в 1968 г., Лефевр пишет: «Повседневность, убедительная идеология потребления в большей мере, нежели сама реальность этого потребления, засасывает рабочий класс, частично отделяя его от исторической миссии. Но эта интеграция пролетариата в общество неизменно должна повести за собою дезинтеграцию, разложение этого общества некапитализма» (р. 152) — функция, которую надлежит выполнить леворадикальным силам.

и публициста Ганса Магнуса Энценсбергера, бывшего лидера Западногерманского студенчества Руди Дучке...

При сравнении высказываний этих идеологов легко увидеть, что их взгляды далеко не во всем совпадают друг с другом. Тем не менее нетрудно найти ряд общих моментов, которые они пытаются внедрить в сознание «новых левых».

1. Критическое отношение к современному капитализму. Правда, капитализм при этом очень часто выступает в облике «современного индустриального общества», «современного общества», «развитого общества». Такой абстрактный подход (в духе теории «единого индустриального общества» и «теории конвергенции») к капитализму нередко выливается в критику социализма как разновидности индустриального общества, против пороков которого и ведут борьбу «новые левые».

2. Отрицание роли рабочего класса развитых капиталистических стран как субъекта мирового исторического процесса. Рабочий класс объявляется в массе своей интегрированным «обществом массового потребления», обуржуазившимся и утратившим в результате удовлетворения основных своих потребностей революционный потенциал и революционный энтузиазм.

3. Ориентация в рамках «развитого общества» на интеллигенцию и молодежь, либо как на силы, «сменившие» рабочий класс на исторической арене, либо как на «детонатор» (термин Сартра, подхваченный Маркузе), приводящий в действие интегрированный в систему пролетариат.

4. Ориентация в мировом масштабе на «третий мир» как силу, способную повести на штурм капитализма весь мир и прежде всего «богатые нации», довольные своим положением, «смирившиеся» с существованием капитализма и «утратившие» революционные идеалы.

5. «Требование невозможного» как наиболее адекватного пути реализации исторической необходимости, выливающееся в призыв, не считаясь с конкретно-исторической ситуацией идти на риск, граничащий с авантюризмом.

6. Радикализм, отказ от любых, в том числе тактических компромиссов. Возведение мелкобуржуазного нетерпения, как говорил Ленин, в «теоретический принцип».

7. Подчеркивание морального абстрактно антропологического аспекта выдвигаемых требований, ориентация на «общечеловеческие ценности», игнорирование классового подхода к анализу рассматриваемых социальных явлений и проектируемых моделей «нового общества».

Легко заметить, что, несмотря на все претензии теоретиков «новых левых» на оригинальность в области идеологии, они ведут свою родословную от традиционных мелкобуржуазных «левых» доктрин и вместе с тем многое черпают из современной буржуазной философии и социологии. Это позволя-

ет говорить о трех основных теоретических источниках идеологии «новых левых»:

— традиционной «леворадикальной» идеологии и прежде всего анархизма и троцкизма, оказавших очень сильное влияние на многих представителей интеллигенции и студенчества из «новых левых», особенно во Франции;

— современной буржуазной философии и социологии; прежде всего экзистенциализма в его сартровском варианте, а также некоторых позитивистских течений, теории единого индустриального общества, теории конвергенции, теории о «нациях-буржуа» и «нациях-пролетариях»;

— односторонне интерпретированной марксистской теории, к которой обращаются идеологи «новых левых» в поисках обоснования своей антикапиталистической программы.

Выступая как одна из конкретных форм приобщения непролетарской массы к мировому революционному движению и к марксистскому учению — процесса, идущего сложными, извилистыми путями, принимающего порой антипролетарскую и антимарксистскую окраску и выдвигающего претензии на «третий» путь в области политики и идеологии, «новое левое» движение есть вместе с тем проявление хорошо известной коммунистическому движению «болезни левизны» — но теперь уже за пределами коммунистического движения и в значительно более широких масштабах, нежели раньше.

Герберт Маркузе:

вехи жизни и деятельности

И все же критический разбор идеологии, которую буржуазия пытается внедрить в сознание «новых левых», предполагает обращение не к Миллсу, Фаноу или Сартру, а прежде всего к Маркузе, ибо, как мы увидим далее, на то есть достаточные основания.

Еще восемь-десять лет назад имя Маркузе мало что могло сказать западному читателю, интересующемуся философией; не говоря уже о широкой публике. Скрупулезный исследователь мог бы, правда, установить, что Герберт Маркузе родился в 1898 году в Берлине, учился на философском факультете сначала Берлинского, а затем Фрейбургского университета; что он в ранней молодости симпатизировал социалистическому движению и враждебно относился к постепенному набравшему силу фашизму; поэтому, когда гитлеровцы пришли в Германии к власти, он эмигрировал из страны и в конце концов осел в США, где в течение ряда лет состоял идеологическим чиновником при крупных правительственных ведомствах; что в 1950 году он оставил государственную

службу, отдавшись научной и преподавательской деятельности, а в последние годы был профессором Калифорнийского университета — одной из самых «непокойных» высших школ США.

Библиографические изыскания дали бы следующие результаты: десятки статей — как сугубо академических, написанных почти хайдеггеровским языком, так и политико-публицистических (среди них серия антифашистских статей, написанных в годы эмиграции); несколько крупных работ: «Онтология Гегеля и основоположение теории историчности»¹ (1932), «Разум и революция»² (1940), «Эрос и цивилизация»³ (1955), «Советский марксизм: критический анализ»⁴ (1958). Но ни одна из этих работ в период их появления не стала философским бестселлером и не принесла автору громкого имени. Кажется, шестидесятилетнему профессору так и суждено завершить свои дни в безвестности и покое. Однако Герберту Маркузе еще предстояло пережить, быть может, самый бурный период в его жизни. В 1964 году он опубликовал теперь уже знаменитую книгу «Одномерный человек. Исследование по идеологии развитого индустриального общества»⁵, которая вскоре обратила на себя внимание интеллектуалов из среды «новых левых». Теперь к Маркузе начинают внимательно прислушиваться. Вспоминают о его старых книгах и даже статьях, переводя их на многие языки. Его приглашают на научные конференции, симпозиумы и студенческие дискуссии, где Маркузе получает возможность в споре проверить убедительность собственных аргументов и сформулировать новые положения своей теории. (Кстати, именно из дискуссии со студентами Западноберлинского университета в 1967 г. родилась одна из его последних работ — «Конец утопии».) В период майских событий Маркузе был уже «идейным вождем», «оракулом». Попытка осмыслить эти события нашла отражение в его последней крупной работе «Очерк об освобождении»⁶, опубликованной в 1969 году.

Что же явилось причиной неожиданной популярности Маркузе и его теории? На этот вопрос можно было бы ответить одной фразой: соответствие предложения социальному спросу. Маркузе лучше, чем кто-либо из леворадикальных теоретиков, сумел сформулировать положения, в которых «новое левое» движение, искавшее идеологическое и нравствен-

¹ Hegels Ontologie und die Grundlegung einer Theorie der Geschichtlichkeit.

² Reason and Revolution.

³ Eros and Civilization.

⁴ Soviet marxism: A Critical Essay.

⁵ One-dimensional man. Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society.

⁶ An Essay on Liberation.

ное обоснование своей политической практики, испытывало острую потребность.

Дело в том, что Маркузе выступает в амплу социального критика — амплу, ставшем популярным в последние годы на Западе¹. Но в отличие от многих своих коллег Маркузе выступает в роли критика радикального, выражающего настроения и оценки той части антикапиталистически настроенной массы буржуазного общества, бытие которой непосредственно отражает кризисные процессы современного мира, но сознание которой еще не зафиксировало всей противоречивости этого бытия.

Маркузе прошел сложный путь, прежде чем стал выразителем идей новых леворадикалов. Некоторые его критики пытаются представить эволюцию взглядов философа как переход от экзистенциализма — к гегельянству, от гегельянства — к фрейдизму и затем уже к марксизму, на базе критической переработки которого якобы и возникла его концепция «одномерного общества». Маркузе и сам признает влияние на него идей Хайдеггера, Гегеля и Фрейда и в то же время считает себя, как это, в частности, показало его выступление на симпозиуме ЮНЕСКО в 1968 году, «неомарксистом», точнее, «недогматическим» сторонником учения Маркса. Но Маркузе трудно без существенных оговорок называть «экзистенциалистом», «гегельянцем» или «фрейдистом», хотя эти течения, несомненно, оказали сильное влияние на его взгляды.

Никогда не был Маркузе и марксистом, хотя все периоды его философской деятельности отмечены пристальным вниманием к Марксову учению, которое Маркузе пытался «синтезировать» с различными буржуазными теориями, способными «вернуть» марксизму «утраченную» им, как считает Маркузе, критическую силу. Первоначально такую способность наш философ «открывает» в экзистенциализме Хайдеггера, становившемся в 20-х годах одним из модных направлений немецкой буржуазной философии. И если впоследствии Маркузе охладевает к Хайдеггеру (прочно,

¹ «Спрос на критические теории общества вполне объясним там, где противоречия социального развития принимают форму резких парадоксов, осознаваемых широкой общественностью... Люди, осознающие себя бесправными винтиками в системе бюрократической организации госмонополистического капитализма, остро переживающие угрозу социальных катастроф (включая войны), угрозу фашизма и милитаризма, окружают гуманистическим ореолом такого рода концепции хотя бы потому, что в них нередко находят зафиксированными и как бы поднятыми до уровня общего социального протеста собственные настроения: конкретное недовольство определенной ситуацией, ощущение кризисного характера того общества, в котором они живут. Кроме того, популярность критических теорий можно объяснить, принимая во внимание ситуацию, сложившуюся внутри общественной науки» (Ю. А. Замошкин, Н. В. Мотрошилова. Критична ли «критическая теория общества» Герберта Маркузе? — «Вопросы философии», 1968, № 10, стр. 66).

однако, усваивая некоторые идеи экзистенциализма), то причиной этого оказывается не осознание реальной несовместимости марксизма и экзистенциализма, а переориентация на философию Гегеля.

Диалектику Гегеля Маркузе пытался интерпретировать сначала в духе иррационализма, а затем в духе так называемой «негативной диалектики», претендующей на критическое развитие гегелевской концепции разума — той самой «негативной диалектики», которая в последних работах Маркузе выступает в качестве методологической базы критики «одномерного» общества и разработки «новой» теории революции.

Новый этап в творчестве Маркузе, связанный теперь уже с поисками «логики социального действия» в условиях «развитого индустриального общества», открывается его работой «Эрос и цивилизация», где он ставит целью исследовать это общество под углом анализа психических механизмов, обеспечивающих «одномерное» мышление и поведение и манипулирование трудящимися со стороны господствующих классов. Характерно, что, рассматривая психику отчужденного индивида современного капиталистического общества с позиций фрейдизма, Маркузе категорически отвергает во многом справедливые обвинения со стороны его критиков в биологизации марксизма и оценивает свой подход как творческое развитие теории Маркса в новых условиях. «Если мыслить действительными категориями Маркса и если признавать, что они развиваются дальше, отражая актуальное развитие капитализма, — утверждает Маркузе, — тогда в теорию Маркса необходимо входят Фрейд и Фурье. Речь не идет, таким образом, ни о каком добавлении каких-то чуждых элементов, все дело во внутреннем развитии самой марксистской теории и практики в свете изменения капитализма»¹.

Но основной работой, выдвинувшей Маркузе в ряды радикальных социальных критиков, стал опубликованный десятилетием позже «Одномерный человек». Здесь антибуржуазный пафос Маркузе достигает своего апогея. Но здесь же и наиболее рельефно выявляются его отказ от принципов марксизма, его ревизия марксистской теории антикапиталистической революции.

Бесплодность критического пафоса Маркузе и иллюзорный характер его революционности предопределяются уже исходными принципами построения «критической теории». Ведь Маркузе пытается построить критику современного капиталистического общества на базе теорий и идеологических конструкций, выдвинутых с целью оправдания капитализма. Так, отрицая реальную революционную роль рабочего класса развитых капиталистических стран, Маркузе многое заимст-

¹ «Knjizevne novine». Beograd, 14/IX. 1968, № 336.

вует у Раймона Арона; отождествляя капитализм и социализм как разновидности «индустриального общества», он основывается на теории «единого индустриального общества» и на теории конвергенции, развиваемыми Ростоу и рядом других буржуазных социологов, апологетически настроенных по отношению к капитализму. Для Маркузе эти теории — своего рода «фундамент», без которого тут же рассыпались бы все его и без того шаткие построения. Но плата за некритическое использование прокапиталистических теорий оказывается очень высокой: сохраняя внешнюю антикапиталистическую направленность, теория Маркузе обнаруживает отсутствие революционно-критической сущности и выливается в романтически-утопические построения, легко «перевариваемые» и усваиваемые системой госмонополистического капитализма.

«Одномерно» ли современное общество?

Почему Маркузе дал своей основной книге — книге, посвященной анализу и «критике» «развитого индустриального общества», — такой странный на первый взгляд заголовок: «Одномерный человек»? Потому что категория «одномерности» (*one — dimensionality*) позволяет, как считает Маркузе, четко и емко зафиксировать сущность этого общества как в целом, так и в его частных проявлениях. «Одномерность» — это однородность, отсутствие четко выраженной и эффективной альтернативы (социальной, политической, идеологической, художественной и т. п.), это унифицированность, однонаправленность. «Одномерность» означает отсутствие противоборства, всякой критики, всякого выхода за пределы (трансцендирования) существующей системы отношений, институтов, привычек, оценок и, следовательно, примирение с существующим положением вещей.

В социально-политическом плане «одномерность» означает прежде всего отсутствие внутри «развитого индустриального общества» (или, как еще говорит Маркузе, «современного общества») социальных сил, сознательно противостоящих существующим общественным отношениям и стремящихся их опровергнуть, т. е. классов и партий, стоящих в оппозиции к буржуазии и решительно отказывающихся признать установленные ею порядки.

«Технический прогресс, распространившийся на всю систему господства и согласования, — пишет Маркузе, — создает формы жизни (и власти), которые, по-видимому, примиряют силы, оппозиционные по отношению к системе и разрушают или опровергают всякий протест именем исторических перспектив освобождения от тяжелого труда и господства. Современное общество, по-видимому, способно сдерживать социальные изменения, которые

привели бы к установлению существенно отличающихся институтов, нового направления производственного процесса, новых форм человеческого существования. Эта способность воспрепятствовать социальным изменениям есть, быть может, наиболее знаменательное достижение развитого индустриального общества: всеобщее принятие Национальной Цели (т. е. целей, выдаваемых буржуазией и выдаваемых ею за общенациональные цели. — Э. Б.), двухпартийная политика, закат плюрализма, сговор между Бизнесом и Трудом в рамках сильного государства свидетельствует о слиянии противоположностей, которое является результатом, равно как и предпосылкой этого достижения»¹.

По Маркузе, получается, таким образом, что в рамках системы социально-политических отношений, господствующих в развитом капиталистическом обществе, больше уже не существует антагонистических сил, ибо прежние социальные антагонисты, т. е. пролетариат и буржуазия, движутся в одном направлении, преследуют единые цели и, по сути дела, разделяют общие политические идеалы. Пролетариат, как говорит Маркузе, теперь «интегрирован» в систему госмонополистического капитализма. Конечно, добавляет он, в действиях различных социальных и политических групп имеют место определенные различия, но они носят скорее количественный, нежели качественный характер.

А теперь, предлагает Маркузе, посмотрите на стиль жизни в «развитом индустриальном обществе» — он «одномерен»: рабочий и предприниматель смотрят одни и те же телевизионные программы и фильмы, читают одну и ту же прессу, пользуются одной и той же разрезкламированной зубной пастой, разъезжают в собственных автомобилях и что самое главное — оба они в целом удовлетворены этими благами (различия могут касаться их объема) и не испытывают внутреннего стремления разрушить существующую структуру потребностей, выйти за ее пределы, критически осмыслить всю фальшь предоставляемых им благ.

А что происходит с искусством? Некогда «двумерное», оставляющее простор для критического восприятия действительности, оно теперь тоже стало «одномерным», т. е. примиряющим с действительностью, ориентирующим зрителя на «вживание» в эту действительность. Оно стало апологетическим и м.

«Новой чертой сегодняшнего дня, — с горечью замечает Маркузе, — является сглаживание антагонизма между культурой и социальной реальностью путем устранения оппозиционных, чуждых и трансцендентных элементов в высшей культуре, благодаря которым она составляла иное измерение реальности. Эта ликвидация двумерной культуры происходит не путем отрицания и отклонения «культурных ценностей», а путем их воспроизводства и демонстрации в широком масштабе. Фактически они служат инструментами социального сцепления».

¹ H. Marcuse. One-dimensional Man, Boston, 1968, p. XII.

² Ibid., p. 57.

Наконец, говорит Маркузе, обратите внимание на язык, которым пользуются в «развитом индустриальном обществе». Ведь в этом обществе, сетует критик, люди не имеют собственного языка, они говорят языком газеты, рекламы, т. е. языком, фиксирующим социальную «одномерность» и закрепляющим за словами те значения, которые служат интересам существующей системы. Не удивительно, заключает Маркузе, что «одномерное» искусство, «одномерный» язык, равно как радио, кино, телевидение, реклама, позволяют буржуазии воздействовать на сознание пролетариата таким образом, что он начинает мыслить в выгодном для «манипуляторов» (т. е. для буржуазии) направлении, а его пролетарское сознание приглушается, и рабочий класс перестает быть «классом для себя», т. е. революционным классом.

Нарисовав столь мрачно-впечатляющую картину «одномерного» общества, Маркузе с пафосом декларирует свое отращение к «одномерности». «Одномерное» общество, заявляет он, не может вызвать ничего, кроме протеста — во всяком случае, у тех, кто способен разглядеть «одномерность» за фасадом благополучия и понять, что она ограничивает свободу человека, препятствует его развитию в духе гражданских идеалов, словом, порабощает человека, делая его живым манекеном.

Вот этот критический пафос Маркузе, это декларируемое им неприятие «общества потребления» и объясняет (подмеченный рядом критиков) парадокс, заключающийся в том, что отнюдь не революционная теория Маркузе вдруг привлекла внимание «новых левых» и была поднята на щит (при активной помощи буржуазной пропаганды) в качестве идеологии левого радикализма. Как человек наблюдательный, Маркузе метко схватывает отдельные штрихи развития госмонополистического капитализма и рисует такую эмпирическую картину современного развитого капиталистического общества, которая оказывается созвучной эмоциям леворадикалов и соответствующей их общим представлениям (выросшим из повседневной жизни) об обществе, в котором они живут. Маркузе видит развитое буржуазное общество таким, каким его видит «левый» радикал, Маркузе относится к этому обществу так, как относится леворадикал. Разница между ними заключается здесь лишь в том, что Маркузе как профессиональный философ умеет лучше оформить и выразить свое видение и отношение. Но этой разницы оказалось достаточно, чтобы «новые левые» сделали из Маркузе «учителя», «оракула», «пророка». Если бы движение «новых левых» одушевлялось прежде всего не нравственным пафосом отрицания Истеклишества, как это есть на самом деле, а базировалось на теоретическом анализе глубинных процессов развития современного капитализма, леворадикалы с изумлением обнаружили бы, что автор «Одномерного человека» — голый король. Ведь «радикальный» протест

Маркузе носит, как это обнаруживается при внимательном прочтении его основного труда, сугубо нравственный характер и не имеет под собой теоретического обоснования революционного ниспровержения современного капиталистического общества. Дело в том, что «критический философ», как это можно было заметить уже из приведенных его высказываний, пытается дать рациональное объяснение и оправдание трансформации некогда «двумерного» общества в «одномерное». Что позволяет господствующему классу «манипулировать» сознанием пролетариата, навязывать ему «искусственные потребности», создающие (при их удовлетворении) иллюзию благополучного существования и притупляющие стремление к радикальному, качественному изменению существующего положения вещей? Современная техника, современное промышленное производство, отвечает Маркузе, ибо само это производство создает основания для «одномерности»: оно объединяет все производственные звенья в цельный, единый организм, функционирующий на базе их взаимодействия, не допускающий никакой «самопроизвольности» действия того или иного звена и подчиняющий своему ритму и порядку действия всех членов общества. Отсюда и общее заключение, выдержанное в антиномическом духе: «одномерность» отвратительна и должна была бы быть разрушена, но она свидетельствует о стабильности «индустриального» общества, об «организованности» современного капитализма, об угасании в сегодняшнем капиталистическом обществе внутренних социальных конфликтов, а вместе с ними и об угасании надежды на революционное отрицание этого общества. Остается только одно — бессильное негодование. Да еще вера. Вера, что, «может быть», появятся такие силы, которые «взорвут» Истеблишмент. Может быть...

Здесь явно обнаруживается внутренняя противоречивость между справедливым негодованием Маркузе против господствующих в капиталистическом обществе порядков, с одной стороны, и теоретической апологетикой капитализма, вытекающей из ложного вывода об «одномерности» «развитого индустриального общества», об отсутствии в недрах современного капитализма социальных сил, способных подвергнуть его отрицанию, об утрате рабочим классом своей исторической роли и «перерождении» коммунистических и рабочих партий развитых капиталистических стран — с другой.

Однако прежде чем перейти к непосредственному рассмотрению теоретических выводов Маркузе, следует разобраться в одном парадоксе (подмеченном многими критиками Маркузе): как случилось, что теория, служащая, по сути дела, логическому оправданию капитализма, была принята на вооружение «новыми левыми», провозгласившими себя ниспровергателями капитализма? Почему леворадикалы не-

критически усвоили тезисы Маркузе об «одномерности» современного капитализма и современного социализма?

Ситуация отчасти объясняется тем, что теория, как таковая, для большинства «новых левых» не имеет существенного значения — они ее либо вовсе отвергают в пользу спонтанного действия, либо рассматривают как будущий продукт этого действия. Для леворадикалов важны лозунги, рождающиеся из эмоций, из нравственного неприятия действительности. Поэтому беспомощность Маркузе как теоретика революции и внутренняя противоречивость его построений выглядят в глазах леворадикалов (когда она оказывается замеченной ими) несущественными. Но есть и другой — очень важный — момент, объясняющий, почему маркузианская теория «одномерного» общества ввела в заблуждение тех (немногих, правда) представителей леворадикальных сил, которых нельзя обвинить в отсутствии интереса к теории. Дело в том, что свою теорию «одномерности» Маркузе строит на основе извращенного истолкования некоторых социальных явлений и тенденций, действительно присущих современному капитализму. Однако для человека, марксистски слабо подготовленного или даже вовсе неподготовленного, (а именно таковы «новые левые») реальность выявленного критиком социального явления порою совершенно скрывает нереальность (ложность) его интерпретации, приобретая самодовлеющее значение. Именно в таком положении оказались леворадикалы, взявшие на вооружение теорию Маркузе.

Выводы Герберта Маркузе об «одномерном» характере «развитого» индустриального общества», об утрате пролетариатом своей революционной роли логически вытекают из отождествления процесса экономической интеграции с тенденцией перехода общества от «двумерности» к «одномерности»; из фетишизации техники и рассмотрения последней как изначальной причины формирования (через механизм потребности) «счастливого» сознания; из переоценки относительной самостоятельности сознания (стабилизирующей разрыв между «несчастливым» бытием и «счастливым» сознанием); из рассмотрения изменяющейся структуры потребностей не с точки зрения их исторического развития, а с точки зрения «идеальных типов».

Каждая новая ступень в историческом развитии человечества создает, как известно, и новые предпосылки для материальной и духовной интеграции последнего, без которой оказалось бы невозможным дальнейшее развитие производства и обмена деятельностью, т. е. нормальное функционирование человеческого общества. Капитализм в этом отношении «проделывает», как отмечал Маркс, колоссальную «работу». Создавая общенациональный, а затем и мировой рынок продуктов материального производства, он уже на сравнительно

ранних стадиях своего развития объединяет на базе этого рынка некогда разрозненные (и потому самобытные) гражданские образования и подчиняет их единой центральной власти, вводит общее законодательство и общенациональные стандарты. Но пока капитализм развивается не только вглубь, но и вширь и выступает в качестве исторически первой и единственной мировой системы, пока монополии не вытесняют свободную конкуренцию, пока средства массовой коммуникации находятся еще в зародыше, — регулирование общенациональной жизни осуществляется в основном с помощью экономических рычагов.

Переход от свободной конкуренции к монополии, от экстенсивного развития капитализма к интенсивному, особенно в связи с образованием мировой социалистической системы и распадом колониальной системы империализма, толкает буржуазию на использование внутренних резервов стабилизации и развития капиталистической системы. В погоне за прибылями капитализм создает в области экономики хозяйственно-управленческую систему, которую он стремится поставить на «рациональную» почву и внести в нее централизованное начало. Но экономические рычаги становятся здесь уже недостаточными, возникает потребность в непосредственном воздействии на сознание масс, в создании общенационального (и даже мирового) рынка товаров духовного производства как интегрирующей, объединяющей на базе капиталистического производства силы. Достижения научно-технической революции и развитие науки, превращающейся в непосредственную производительную силу, используются для решения данной задачи.

Новые средства массовой коммуникации, создающие эффективные предпосылки для более широкого обмена деятельностью и развития человека, капитал ставит на службу собственным корпоративным интересам: он создает гигантские централизованные тресты по идеологической обработке масс, по разработке и внедрению стандартов в сфере не только материальной, но и духовной жизни общества. Складывается так называемая «массовая культура», скроенная по худшим буржуазным образцам, оболванивающая массового потребителя, подавляющая его индивидуальность, лишаящая собственного лица, или заставляющая прятать его, дабы не оказаться «аутсайдером», чужим в толпе живых манекенов, где отклонение от стандарта грозит лишением «prosperity»¹.

Исходя из правильной посылки о том, что интеграционные процессы, протекающие в недрах индустриального общества, капитализм стремится использовать для формирования

¹ «Процветание» (англ.).

«одномерного», т. е. послушного, некритически мыслящего индивида, настроенного апологетически по отношению к социальной действительности, Маркузе делает ложный вывод о тождественности интеграции и «одномерности» и при этом, естественно, приходит к заключению, что процессы, связанные с созданием целостной, хорошо отлаженной системы производственных, управленческих и культурных институтов, есть абсолютное зло. Для такого вывода у Маркузе есть известные социально-психологические основания. Дело в том, что процесс интеграции сопряжен с изменением классовой структуры капиталистического общества и прежде всего с изменением положения так называемых «средних слоев», для которых интеграция оборачивается подлинной социальной катастрофой, ибо создает для них реальную угрозу потери самостоятельного социального статуса, слияния не с буржуазией, в ряды которой стремится пробиться представитель «средних слоев», а с «серой массой», грозящей поглотить его, безжалостно разрушив все его надежды и идеалы. Представитель этих слоев терпит в условиях нарастающей капиталистической интеграции социальный крах — и ему кажется, что весь мир находится на грани гибели. Он питается стандартной духовной пищей, его сознание контролируется и направляется по выгодному для господствующего класса руслу — и ему кажется, что и весь мир становится «одномерным», стандартизированным миром. С позиций этих слоев и рассуждает Маркузе, их апокалиптические настрояния и служат эмоциональным источником его «критической» теории, их страх перед собственной гибелью и питает радикализм Маркузе (а заодно и делает его теорию популярной опять-таки среди тех представителей капиталистического общества, сознание которых фиксирует крайнюю зыбкость их социально-экономического и политического положения). Психологически подавленный мощью капитала, Маркузе не замечает ни двойственного, внутренне противоречивого характера самой капиталистической интеграции, ни качественного различия функций техники, ни различия конечных целей интеграционных процессов в условиях господства различных общественных систем.

Маркузе не видит, что процессы экономической интеграции, протекающие в недрах самого капиталистического общества, носят двойственный характер. Создавая предпосылки для дальнейшего усиления эксплуатации трудящихся, для интенсификации труда и духовной обработки масс, они вместе с тем объективно способствуют созданию материальных предпосылок социализма (коммунизма). Коммунизм как более высокая ступень общественного развития не только не противодействует исторически прогрессивным интеграционным тенденциям, но, напротив, стремится завершить истори-

ческую «работу», начатую капитализмом. Коммунизм не может осуществить возложенную на него историей миссию по ликвидации существенных различий между городом и деревней, между физическим и умственным трудом, объединить нации, а в конечном счете открыть широкие просторы для гармонического, целостного развития индивида иначе, как на базе внедрения современной техники, производственно-технологических стандартов, рациональной организации производства — потребления, широкого использования средств массовой коммуникации. Попытки построить коммунизм (социализм) на основе средневековой техники, на базе локальных, замкнутых, самообеспечивающихся хозяйственных единиц, — реакционная утопия. Интеграция, таким образом, может выступать не только как предпосылка деградации, но и как предпосылка всестороннего развития личности — все зависит от характера общественных, прежде всего производственных отношений, в рамках которых происходит процесс интеграции, от характера отношений собственности, определяющего в конечном счете различие целей при использовании одних и тех же технических средств.

С другой стороны, экономическая интеграция, осуществляемая в рамках капиталистических общественных отношений, не ведет автоматически к интеграции социальной и политической, к слиянию пролетариата с буржуазией, к «деревуолюционизации» политических партий рабочего класса, т. е. к «одномерности», так как именно отношения собственности влияют на направление и цели интеграции, а сама интеграция не изменяет сущности господствующих отношений собственности, не кладет конец эксплуатации труда капиталом, а стало быть, не ликвидирует тех объективных факторов, которые определяют положение пролетариата в капиталистическом обществе как революционного класса.

Но для Маркузе все это оказывается несущественным, поскольку исходным пунктом его построений выступает теория «единого индустриального общества», которая, как известно, подчеркивая значение производительных сил, прежде всего техники, игнорирует значение производственных отношений и ведет к отождествлению функций техники в условиях капитализма и социализма, к отождествлению направления технического прогресса в условиях различных социальных систем, а в конечном счете и к отождествлению интеграции и «одномерности», — в том случае, если процесс интеграции и внедрения современной техники рассматривается как социальное зло.

В отношении Маркузе к технике ясно просматриваются элементы сознания современной технобюрократической элиты, фетишизирующей роль техники в жизни общества, рассматривающей ее функции вне контекста тех социальных

связей, в которые вплетена машина. Маркузе бросает Марксу обвинения в недооценке «порабощающей роли техники»:

«Маркс недооценивал степень покорения природы и человека, степень контроля технологии над свободой, самоопределением индивида: ассимиляции свободы и необходимости, удовлетворения и подавления ожиданий психики, бизнеса и индивида»¹.

Упрек незаслуженный, ибо Маркс не недооценивал, а всего лишь не переоценивал роли техники, отчетливо, однако, создавая ее общественно-революционизирующую роль. «Природа не строит ни машин, ни локомотивов, ни железных дорог, ни электрического телеграфа, ни сельфакторов, и т. д. Все это — продукты человеческого труда, природный материал, превращенный в органы человеческой воли, властвующей над природой, или человеческой деятельности в природе»². Маркс всегда рассматривает технику в системе конкретных общественных отношений на любом уровне ее развития. Безусловно, сами эти отношения изменяются с развитием техники, но в общем контексте социальной деятельности человеческая (классовая) воля, определяемая в конечном счете характером производственных отношений, всегда детерминирует социальную роль техники в обществе, — момент, на который мы здесь делаем акцент, поскольку Маркузе его упускает из виду или недостаточно учитывает. Вне человеческой деятельности техника мертва. Поставленная между человеком и природой, между человеком и человеком, техника «оживает», обнаруживая, таким образом, способность выполнять противоречивые функции. Но двойственность, противоречивость функций техники — это противоречивость самого антагонистического общества.

Критическое отношение Маркузе к технике и науке, к бюрократии, выступающей для социального критика персонифицированным воплощением научно-технической рациональности, связано с осознанием разрушительной, отчуждающей функции, внутренне присущей науке и технике в условиях капиталистического общества. Маркузе отождествляет функции науки и техники в условиях капитализма и социализма, а порой и прямо выступает против науки и техники как элементов культуры, поскольку он не считает существенной (во всяком случае, в «Одномерном человеке») зависимость между характером функций, выполняемых техникой, и характером общественных отношений.

Между тем не только наука и техника, но и вся человеческая культура в целом, каждый ее элемент в потенции функ-

¹ H. Marcuse. *Socialist Humanism?* In: «*Socialist Humanism*», N. Y. 1966, p. 112.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. II, стр. 215.
(Разрядка наша. — Э. Б.).

ционально противоречивы, что связано с двойственным, противоречивым характером самого существования человека в классовом обществе как творца культуры.

Камень, взятый в руки первобытным человеком, мог быть использован им и в качестве орудия труда на благо рода, и в качестве орудия убийства сородича. Сложность современной техники создает видимость ее полной функциональной самостоятельности по отношению к обществу и тем более к отдельному индивиду. Но с точки зрения потенциальной возможности ее использования она при всей своей сложности принципиально не отличается от камня. Какой именно окажется реальная функция техники, какая из ее потенциальных функций будет использована — зависит от самого человека, вернее от преобладающего характера отношений между людьми в процессе производства, распределения и потребления¹. Это легко проследить на примере атомной энергии, которая может быть использована и на благо человечества, и во вред ему (в зависимости от того, в чьих руках она находится), но которая сама по себе не является ни «добром», ни «злом».

Сопоставляя высказывания Маркузе о роли техники в условиях современного общества (далеко не всегда последовательные), можно, правда, заметить, что и сам Маркузе порой, казалось бы, осознает недостаточность рассмотрения техники вне контекста социальных отношений, особенно когда он рассуждает о «направлении» технического прогресса. Однако при внимательном рассмотрении оказывается, что связь между функциями техники и отношениями собственности Маркузе ставит с ног на голову.

«До тех пор, — пишет он, — пока господствует утвердившееся направление технического прогресса (а сама эпоха сосуществования предопределяет это господство), изменения в области собственности и контроля над средствами производства могут быть скорее количественными, нежели качественными изменениями. Предпосылкой освобождения гуманистического содержания социализма было бы фундаментальное изменение в направлении технического прогресса, тотальная реконструкция технического аппарата»².

По Маркузе, получается, что не характер общественных отношений определяет направление использования и развития техники, а наоборот, направление использования и развития техники определяет характер общественных отношений, систему собственности на средства производства и контроля над ними. Здесь уже даже не рассмотрение техники вне контекста общественных отношений, а постановка последних в непосредственную зависимость от техники. Впрочем, этот тезис Маркузе имеет конкретный адрес — социалистические страны. Поскольку организация промышленного производства в капиталистических и социалистических странах сходна с технической точки зрения, поскольку социализм соревнуется

¹ См. об этом, в частности, в книге «Научно-техническая революция и общественный прогресс». М., «Мысль», 1969.

² H. Marcuse. Socialist Humanism? In: «Socialist Humanism», p. III,

в капитализме в техническом отношении, уточняет Маркузе, то ни о какой качественно новой системе собственности в социалистических странах не может быть и речи. «Революционер» Маркузе хочет «чистого» социализма, г. е. такого социализма, материальные предпосылки которого вызревали бы не в недрах капитализма, а в некоем абстрактном социальном вакууме, полностью очищенном от всего «капиталистического» и прежде всего от «капиталистической» техники. Что смена одной системы общественных отношений другой, более прогрессивной, неизбежно предполагает определенную (и прежде всего материальную) преемственность между ними, Маркузе и знать не хочет — совсем как те российские «революционеры», которые когда-то предлагали разрушить дореволюционные железные дороги, чтобы потом на их месте построить «социалистические» железные дороги.

Надо сказать, что широко распространенное среди идеологов «новых левых» и некритически разделяемое определенной частью рядовых леворадикалов отрицание социалистического характера отношений собственности, господствующих в социалистических странах (и вытекающее отсюда отождествление функций техники, направления и целей экономической интеграции и т. д.), в известной мере связано с необоснованным отождествлением производственных отношений с конкретно-историческими формами их выражения, которые могут быть зафиксированы в категории «экономического режима».

В марксистской литературе отмечается как научно установленный факт неодинаковая подвижность различных элементов надстройки, ведущая к тому, что «одна и та же форма правления, при том же типе государства приобретает различный вид в зависимости от политического режима, осуществляющегося в той или иной стране и меняющегося в связи с изменением ряда обстоятельств»¹. Надстройка, конечно, более подвижна, изменчива, чем базис. Но и базис принимает различные конкретные формы на различных фазах своего развития — формы, выступающие в роли поправки (компенсации) на локальное несоответствие производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил, которое проявляется в различии систем экономического управления обществом. При теоретическом анализе жизни общества, взятого в целом, можно, по-видимому, обойтись без категории «экономического режима» как подобного рода поправки, ибо на каждом данном уровне исторически прогрессивные производственные отношения возникают только тогда, когда

¹ См. В. И. Разин. Политическая организация общества. М., МГУ, 1967, стр. 91. При этом «под политическим режимом следует понимать всю совокупность приемов и методов, при помощи которых осуществляется диктатура данного класса, или конкретное выражение диктатуры класса» (там же).

уже сложились адекватные им производительные силы. Однако вследствие неравномерности экономического и политического развития капитализма возникает, как это было отмечено еще Лениным, такая ситуация, когда ни в одной стране, как правило, не вызревают одновременно и политические, и материальные предпосылки социализма (коммунизма): там, где ходом исторического развития оказываются подготовленными материальные условия социализма, не оказываются политических условий и наоборот. В результате может иметь место установление социалистических производственных отношений в тех странах, в которых непосредственно не существует адекватного этим отношениям уровня развития производительных сил, техники (хотя определенный минимум, как отмечал Ленин¹, здесь необходим). Такое несоответствие не может не отразиться на степени, конкретных формах и уровне соединения рабочей силы и техники; на культуре труда, культуре использования техники; на организации труда; на разделении труда в масштабах всего общества; на организации смены форм труда; на соотношении физического и умственного труда; на применении науки в производстве, т. е. на экономическом режиме. Характер экономического режима может в известных условиях скрывать революционный характер переворота, осуществляемого в сфере производственных отношений, их детерминирующую роль в использовании техники и конкретно-исторического проявления ее функциональной противоречивости. Этот факт и выступает в качестве гносеологической предпосылки отождествления количественных и качественных изменений в сфере собственности, нигилистического отношения к характеру производственных отношений и абсолютизации роли техники.

Итак, по Маркузе, техника — по крайней мере, в тех формах, в каких она существует сегодня в капиталистических и социалистических странах — выступает как абсолютное зло, как основная причина формирования «одномерных» социально-политических институтов и «одномерного» сознания; «дереволюционизирующего» рабочий класс. Маркузе оговаривается (особенно в «Очерках об освобождении»), что труд в условиях современного капиталистического общества продолжает эксплуатироваться капиталом, а пролетариат продолжает оставаться антиподом буржуазии в системе отношений производства. Однако это состояние, по Маркузе, уже не может быть адекватно зафиксировано в сознании пролетариата, которое становится объектом манипуляции. Ибо в условиях технически высокоразвитого общества господствующие классы получают возможность, опираясь на развитую систему средств массовой коммуникации, формировать сознание тру-

¹ См. Ленинский сборник, XI, стр. 397.

дящихся по определенному шаблону, навязывать им «ложные» потребности и, в конечном счете, делать их сознание более «счастливым», чем это реально позволяет их общественное бытие.

Существовавший в прошлом разрыв между уровнем потребления (и соответствующим комплексом потребностей) рабочего класса и буржуазии, говорит Маркузе, обеспечивал для пролетариата наличие «критического пространства», «отделяя» его от буржуазии и, в конечном счете, делал пролетариат революционным классом. Ныне в условиях роста материального благосостояния этот разрыв, утверждает философ, значительно сократился, если вовсе не сошел на нет за счет искусственного внедрения в психику рабочего «ложных», «буржуазных» потребностей и их удовлетворения. В результате рабочий класс утратил (или утрачивает) свой революционный характер. Зачем рабочему революция, патетически восклицает Маркузе, если он имеет машину, дом и холодильник!

Маркузе констатирует общеизвестный факт: буржуазия стремится выработать у пролетариата такие материальные и духовные потребности, которые увековечивали бы господство капитала, и в определенных ситуациях ей действительно удается добиться своей цели. Об этом свидетельствуют «факты распространения потребительского индивидуализма и потребительской конкуренции в сознании значительной части населения, что проявляется в постоянной борьбе за обладание вещами как символами социального престижа личности»¹. Но где пролегает грань между «истинными» и «ложными» потребностями и каков критерий их классификации? Действительно ли потребности буржуазии и пролетариата полностью нивелированы? И, наконец, действительно ли обладание вещами является «дереволюционирующим», а нищета — революционирующим фактором? Ответы Маркузе на эти вопросы позволяют само стремление к обладанию вещами (независимо от конкретного социально-экономического, политического и культурного контекста) рассматривать как «потребительство», а обладание вещами — как «обуржуазивание» — тезис, доведенный до абсурда маоистами и их сторонниками. Такой узкий, вульгарно-экономический подход лишен и намека на исторический анализ «возвышения потребностей», о котором говорили Маркс и Ленин, как о явлении, связанном с прогрессивным процессом развития общественных отношений.

Маркузе исходит в своих рассуждениях из того общеизвестного факта, что в послевоенные годы трудящиеся разви-

¹ Ленинизм и мировое революционное рабочее движение, стр. 478.

Модель потребительской психологии прекрасно выявлена в известном романе французского писателя Жоржа Перека «Вещи».

тых капиталистических стран сумели вырвать у буржуазии ряд экономических уступок (в чем большая заслуга коммунистических и рабочих партий этих стран); что экономическая конъюнктура в США, Япония, ФРГ была в последние годы относительно высокой и в целом жизненный уровень трудящихся здесь несколько возрос по сравнению с предвоенным временем. Подобное положение вещей, разумеется, не могло не найти определенного отражения в сознании рабочего класса, не посеять в его рядах некоторых реформистских иллюзий и не породить, выражаясь языком Маркузе, «счастливого сознания» среди некоторой части трудящихся. Но значит ли это, что рост экономического благосостояния привел рабочий класс к обуржуазиванию в его массе, что пролетариат променял экономические блага на рабское положение в системе капиталистического производства?

Ленин отмечал, что в условиях развития капитализма определенное улучшение экономического положения рабочего класса выступает не как исключительный феномен, а как нормальная историческая тенденция: «...чем быстрее рост богатства, тем полнее развиваются производительные силы труда и обобществление его, тем лучше положение рабочего, насколько оно может быть лучше в данной системе общественного хозяйства»¹. Но эта тенденция не меняет принципиально положения пролетариата, как эксплуатируемого класса капиталистического общества, как могильщика буржуазии.

Во-первых, отмечаемое Маркузе сближение уровней и структур потребления различных классов и слоев буржуазного общества, выступающее следствием роста благосостояния трудящихся, распространяется лишь на чисто базисные потребности, обеспечивающие необходимое по современным условиям воспроизводство рабочей силы и социального статуса и залегающие на небольшой глубине общественной жизни, доступной для взора романтически настроенных социальных критиков.

В конце XIX — начале XX века автомобиль был необходим для буржуа и не был необходим, скажем, для американского рабочего, живущего рядом со «своей» фабрикой. В современных условиях, в связи с изменением структуры размещения производства, урбанизацией и другими изменениями, порожденными научно-технической революцией, американскому рабочему автомобиль просто необходим для того, чтобы добраться от жилища до места работы. Изменившиеся условия жизни превратили автомобиль, по крайней мере в США, из предмета роскоши в предмет первой необходимости, т. е. базисного потребления². Рабочий, таким образом,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 139.

² «Для трудового американца автомашина прежде всего нужна, чтобы ездить на работу, куда общественного вида транспорта или просто нет, или, если есть, он требует большей затраты времени и стоит дорого. Между тем нередко нужно преодолевать расстояния в 100—120 км, чтобы попасть к месту работы». (Н. С. Мельяков. Деловая Америка. М., Политиздат, 1969, стр. 140).

строго говоря, не получил никакой дополнительной льготы; видимая «льгота» на проверку оказывается необходимой компенсацией тех потерь, которые были вызваны изменившимися условиями общественной жизни. Такая же картина возникает и при рассмотрении других полученных рабочим «буржуазных льгот»: тот же оплачиваемый отпуск французского рабочего оказывается с этой точки зрения не дополнительно приобретенным благом, а «компенсацией» возросшей нервной нагрузки и интенсификации труда — компенсацией, без которой пролетариат не сможет создавать прибавочную стоимость в качестве рабочего современного капиталистического промышленного предприятия.

Что касается «вторичных» структур потребления, так сказать, «второго этажа» потребностей, недоступных поверхностному взору, то здесь ни о каком сближении и речи быть не может. Сближение происходит на уровне «первого этажа», который в XIX веке был «царством» буржуазии. Но когда это сближение стало реальностью, у буржуазии появился «второй этаж» потребностей. Можно допустить, что если капитализму удастся мобилизовать свои резервы и допустить в дальнейшем сближение и на уровне нынешнего «второго этажа», поскольку изменится сама структура «базисных» (или «первичных») потребностей и американскому рабочему для нормального функционирования в качестве пролетария нужен будет уже не только автомобиль, но и нечто более «буржуазное», то буржуазия к тому времени отстроит себе «третий этаж» и так далее. Но в любом случае между структурой потребностей и уровнем потребления эксплуататорских и эксплуатируемых классов будет существовать разрыв, фиксирующий возрастание необеспеченности существования пролетария в условиях буржуазного общества, не тождественного нищете в прямом смысле этого слова¹.

Разрыв в структуре и уровне потребления пролетария и буржуа, указывающий на различие между уровнями их реального социального бытия и выступающий в качестве необходимого условия воспроизводства антагонистической социальной структуры, неизбежен при капитализме. И если сближение базисных потребностей выступает и будет и в дальнейшем выступать в качестве фактора «интеграции» в сфере потребления, то неизбежно сохраняющийся (хотя и смещающийся) разрыв между уровнями потребления и структурой потребностей будет всегда выступать в роли дезинтегрирующего фактора, в качестве потенциального фактора возникновения революционной ситуации. Иными словами, стремление Маркузе доказать, что между социальным положением пролетария и буржуа как потребителей уже нет таких различий,

¹ Как отмечал Энгельс, «организация рабочих, их постоянно растущее сопротивление будут по возможности создавать известную преграду для роста нищеты. Но что определенно возрастает, это необеспеченность существования». (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 233).

которые выступали бы в роли фактора, подталкивающего эксплуатируемого труженика на выступление против капиталистических порядков, опровергается уже самими фактами, на которых он пытается построить теорию «одномерности». Конечно, сближение базисных потребностей может на каких-то этапах тормозить социально-политическую активность пролетариата. Но оно никогда не может стать полным, а главное — оно нисколько не изменяет отношений, складывающихся в процессе производства, а значит и не устраняет противоречий, раздирающих капиталистическое общество.

Во-вторых, Маркузе, рассуждая как вульгарный экономист, исходит из того, что революционность рабочего класса в системе капиталистических общественных отношений определяется лишь уровнем его благосостояния, так сказать, его «сытостью». Между тем дело обстоит гораздо сложнее. В условиях капитализма пролетариат, как известно, отчужден не только от продуктов своего труда, но и от политической власти, от культуры, без овладения которой заказан путь к всестороннему развитию личности. И закон «возвышения потребностей» проявляется не только в расширении и углублении экономических потребностей пролетариата и вытекающей отсюда смены форм и методов экономической борьбы, но и в изменении революционизирующей потенции различных форм отчуждения, конкретно говоря, в усилении революционизирующей роли политического и культурного бесправия трудящегося в условиях капитализма.

Пока жизненный уровень рабочего остается крайне низким, ничтожность его экономического благосостояния явственно выступает как радикализирующий фермент его борьбы против капитала. Когда же рабочий добывается в ожесточенной борьбе с буржуазией определенных экономических уступок, он получает возможность яснее осознать ничтожность своего политического и культурного положения и выдвинуть на первый план именно политические и культурные требования (не оставляя при этом и экономических требований), тем более, что исторически к этому времени в недрах капитализма вызревают все необходимые экономические предпосылки социалистического переворота. Что осознание именно политического и культурного бесправия может выступать в качестве основного побудительного мотива антибуржуазных действий, ясно показывает само движение «новых левых».

Конечно, как движение незрелое в политическом отношении, оно не могло поставить вопрос о необходимости изменения отношений собственности в рамках капиталистического общества, и в этом состояла одна из его коренных слабостей. Но вместе с тем леворадикальное движение наглядно показало, что осознание политического и культурного отчуждения

может выступать великим фактором антикапиталистической борьбы.

И, наконец, последний момент — последний по порядку, но не по значению. Всячески подчеркивая тенденцию к росту экономического благосостояния трудящихся в развитых капиталистических странах, вызванному современной научно-технической революцией, высокой экономической конъюнктурой и т. д., Маркузе «не замечает», что параллельно этой тенденции в развитых капиталистических странах (в том числе и в США, которые, по собственному признанию автора «Одномерного человека», послужили ему «моделью» при написании его основного труда и многие черты которых он совершенно безосновательно переносит на европейские капиталистические страны) действует другая тенденция, которая не позволяет говорить о том, что перед рабочим классом развитых капиталистических стран уже не стоит никаких экономических проблем, что в экономическом отношении он обрел «счастливое сознание». Речь идет прежде всего об изменении самого характера и условий труда на современном капиталистическом предприятии. Внедрение новейшей техники и совершенствование технологии неизбежно ведут в условиях капитализма к росту интенсификации труда, к возрастанию затрат работником психической энергии, к росту неудовлетворенности работника своим трудом, поскольку последний включает все меньше элементов творческого характера, к неуверенности работников «традиционных» профессий в своем будущем. К этому надо прибавить такой существенный момент, как увеличение разрыва между темпами ростом производительности (и интенсификации) труда и роста заработной платы.

Взяв, например, Францию, мы увидим, что «...если производительность труда в промышленности выросла с 1958 года по 1967 год примерно на 50%, то покупательная способность часовой заработной платы выросла только на 20%... До майских событий 1968 года заработная плата 4,5 млн. французских трудящихся была меньше 600 фр. в месяц, при этом 400 тыс. рабочих получали лишь гарантированный минимум заработной платы... По официальным данным, продолжительность рабочей недели у 32% рабочих на 1 января 1968 года составляла от 45 до 48 часов, а у 15,9% рабочих даже превышала 49 часов»¹. Нельзя не учитывать и тот факт, если мы хотим составить более или менее полное представление о динамике благосостояния трудящихся в странах капитала, что средняя заработная плата даже в наиболее развитых из этих стран не покрывает официально объявленный стандартный прожиточный минимум. В 1967 году в промышленности ФРГ этот разрыв составлял более 13%, во Франции — 19,8%². Не составляют исключения и США. Если взять тот же разрыв между средней заработной платой и средним прожиточным минимумом семьи, то окажется, что в 1967 году он был больше, чем в ФРГ, и составлял (в обрабатывающей промышленности) 17%³. Даже согласно официальным документам

¹ Борьба классов и современный мир. М., «Наука», 1970, стр. 72.

² Там же, стр. 42.

³ Там же.

американского правительства борьба с бедностью и голодом продолжает оставаться одной из самых насущных проблем страны. «...Сейчас, когда зима началась всерьез,— писал в декабре 1969 года лондонский журнал «Нью Стейтсмен»...— где-то в Америке 15 миллионов человек голодны и некоторые из них по-настоящему голодают... число голодных в Америке равно населению штатов Миннесота, Айова, Миссури, Северная Дакота, Небраска и Канзас вместе взятых...»¹.

Очевидно, таким образом, что если бы даже мы согласились принять постулат Маркузе о том, что основным двигателем антикапиталистической борьбы в буржуазном мире является уровень благосостояния трудящихся, то и в этом случае нам пришлось бы признать, что «счастливое сознание» — явление далеко не всеобщее, а там, где оно действительно имеет место, оно весьма зыбко, ибо стабильность экономической конъюнктуры даже в наиболее развитых капиталистических странах не имеет никаких гарантий. Об этом свидетельствует нарастание стачечных боев во всех развитых капиталистических странах, в том числе и в Соединенных Штатах Америки.

«В 1966 г. в забастовках участвовало 1 млн. 960 тыс. трудящихся... В 1967 г. в США бастовало уже 2 млн. 870 тыс. рабочих и служащих. А в 1968 г.... в стране состоялось около 5 тыс. забастовок, отмеченных необыкновенным упорством и продолжительностью»². Но активизация борьбы на экономическом фронте не могла не сказаться и на политической активности рабочего класса, не привести к некоторым «сдвигам в рядах американского профсоюзного движения. Некоторые профсоюзы США стали активнее участвовать в политических действиях, связанных с усилением протеста в стране против продолжающейся войны во Вьетнаме, а также с движением за гражданские права негров, с борьбой против антирабочих законов»³.

Таким образом, «одномерное» сознание и «одномерное» общество оказываются лишь плодом иллюзий романтического философа, сложившихся у него в результате чистого умозрения и возведенных им, как мы увидим далее, в принцип революционной тактики и стратегии.

«Новая» концепция революции

Идея «Одномерного человека», в сущности, посвящена доказательству двух взаимосвязанных тезисов. Во-первых, тезису о том, что современный капитализм («развитое индустриальное общество») существенно отличается от классического капитализма XIX века прежде всего с точки зрения изменения социальных функций общественных групп и классов.

¹ «New Statesman», 12. XII. 1969.

² Ленинизм и мировое революционное рабочее движение. М., 1969, стр. 388.

³ Там же.

Во-вторых, тезису о том, что марксистская теория, и что главное, — марксистское учение о революции, ориентированные на пролетариат в качестве «агента» исторического процесса, утратили (как выросшие из представлений о «классическом» капитализме) свою действительную силу и на смену им должна прийти «новая» концепция, ориентированная на «новые» социальные силы и вырастающая из «истинных» потребностей современного общества. На разработке этой концепции Маркузе и сосредоточивает, начиная со второй половины 60-х годов, свои основные силы.

В «Одномерном человеке» выдвигается лишь самый общий постулат относительно характера сил «отрицания»: этими силами могут быть только «аутсайдеры», т. е. группы, «интегрированные» в систему, не принимающие (точнее, лишённые возможности принять) сложившуюся в рамках Истемблишмента систему ценностей и не ориентирующиеся на «ложные потребности», сформированные «обществом изобилия». В числе этих сил Маркузе называл тогда национальные меньшинства, население гетто, люмпенов, безработных — словом, всех тех, кто, по его мнению, имеет основания быть недовольным капиталистическими порядками.

«...Под консервативной народной базой лежит слой отверженных и аутсайдеров, эксплуатируемых и преследуемых, принадлежащих к другим расам и имеющих другой цвет кожи, безработных и тех, кто не может иметь работу. Они существуют за пределами демократического процесса; их жизнь есть наиболее непосредственное и наиболее реальное воплощение необходимости ликвидации нетерпимых условий и институтов. Таким образом, их оппозиция революционна, даже если их сознание не является таковым... эта элементарная сила, которая нарушает правила игры, и таким образом обнажает нечестный характер этой игры. Когда они собираются вместе и выходят на улицы — без оружия, без защиты, с требованиями самых простейших гражданских прав, они знают, что их ожидают собаки, камни и бомбы, тюрьмы, концентрационные лагеря, даже смерть... Тот факт, что они начинают отказываться от участия в игре, быть может, является фактом, который знаменует начало конца периода»¹.

Несомненно, на конкретное представление Маркузе о силах отрицания повлияли реальные политические движения в США, ставшие в первой половине 60-х годов заметным явлением: движение за предоставление гражданских прав негритянскому населению, марши безработных, антивоенные выступления и т. п. Однако сам постулат о невключённости сил отрицания в систему господствующих общественных отношений вытекал не из конкретно-социологического анализа политической ситуации в разнотых капиталистических странах, которого Маркузе в общем всегда был чужд, но из его чистомозрительного представления о способе разрешения социальных противоречий, из его «диалектики».

¹ H. Marcuse, *One-dimensional Man*, Boston, 1968, pp. 256—257.

Маркузе видит ошибку Маркса в том, что он вслед за Гегелем рассматривает силы отрицания, как возникающие и действующие внутри системы и снимающие последнюю путем ступенчатого движения вверх. Но действительно ли силы отрицания с необходимостью внутренне присущи системе; не снимается ли «конкретная тотальность системы» извне, спрашивает Маркузе, чтобы затем дать утвердительные ответы на поставленные вопросы. Конечно, внешнее, добавляет он, желая избежать упрека в механистической трактовке диалектики, нельзя понимать в пространственном смысле. Различие внешнего и внутреннего носит качественный характер, и быть качественно внешним по отношению к системе — значит просто не иметь возможности развиваться внутри этой системы¹. И все же, несмотря на эту оговорку, Маркузе, разрывая и противопоставляя «внутреннее» и «внешнее», рассуждает именно как вульгарный диалектик. Действительно, пролетариат, как угнетенный, эксплуатируемый класс, создающий для капитала прибавочную стоимость, необходимо связан с капиталистической системой и выступает по отношению к ней как внутренняя сила. Но пролетариат, как «класс для себя», осознавший необходимость коренного изменения своего социального положения, одновременно выступает по отношению к капиталистическому обществу и как внешняя сила, поскольку качественное отрицание его положения как эксплуатируемого класса, превращение в непролетариат становится возможным лишь за пределами капиталистической системы: последняя существует лишь постольку, поскольку способна воспрепятствовать превращению пролетариата в непролетариат. Однако выступить в роли внешней силы, отрицающей существующую систему, пролетариат способен именно потому, что он одновременно является силой внутренней, т. е. непосредственно связанной (через систему трудовых отношений) с капиталом и потому определяющий своей деятельностью само существование последнего. «Внешняя» сила, не являющаяся одновременно и «внутренней», в данном случае не имманентная капиталистической системе, капиталистическому способу производства, не способна, даже будучи «критической», выступить в роли силы, отрицающей существующую социальную структуру, поскольку ее самоотрицание не влияет решающим образом на существование капитализма, т. е. на производство прибавочной стоимости, а ее «выход» из «системы» не создает фатальной угрозы для капитала, поскольку не нарушает действия механизма извлечения прибавочной стоимости, механизма эксплуатации пролетариата. Однако Маркузе как сто-

¹ Эти положения развиваются Маркузе в ряде работ: в «Разуме и революции», в «Одномерном человеке», а также в выступлениях на гегелевском конгрессе в Праге (1966) и симпозиуме ЮНЕСКО в Париже (1968).

ронник «негативной диалектики» не замечает этой противоречивости «внутреннего» и «внешнего», ориентируясь на «неинтегрированные» «внешние» силы, непосредственно не причастные к существованию капиталистического способа производства.

Впрочем, и самому Маркузе обнаруженные им «маргинальные» силы представлялись слишком слабыми для того, чтобы разрушить «сложившиеся» общественные отношения. Для него проблема «агента исторического процесса» продолжала оставаться нерешенной и требовала дальнейшего поиска. Студенческие волнения, охватившие мир во второй половине 60-х годов, усиливающееся проявление недовольства растущей бюрократизацией и милитаризацией буржуазного общества со стороны «неангажированной» интеллигенции, казалось, давали, наконец, ключ к решению проблемы. В предисловии к французскому изданию «Одномерного человека» (1967) Маркузе уже говорит о студенческой молодежи и об интеллигенции¹ как о силах, обладающих революционным потенциалом и требующих внимательного отношения к себе со стороны теоретиков революции.

Эта ориентация на интеллигенцию и студенчество получает дальнейшее подтверждение и обоснование в работах Маркузе, написанных им начиная с 1967 года: «Конец утопии» (1967), «Пересмотр концепции революции» (доклад на симпозиуме ЮНЕСКО, посвященном 150-летию со дня рождения Маркса (1968), «Очерк об освобождении» (1969)².

Именно в этих работах Маркузе формулирует свою «новую концепцию революции» — точнее даже две взаимосвязанные концепции: концепцию мировой революции, где он ставит вопрос о процессах, протекающих в «третьем мире», и об их взаимосвязи с динамикой социальных изменений в «развитых индустриальных странах», и концепцию революции применительно к самим развитым странам.

Центральным для маркузианской концепции революции является вопрос о соотношении социальных функций рабочего класса и интеллигенции (студенчества).

Надо сказать, что в работах последних лет Маркузе вы-

¹ Райт Миллс и здесь опередил Маркузе. В упоминавшемся выше «Письме к новым левым» (1960) он, в частности, писал: «...я изучаю вот уже в течение ряда лет культурный аппарат общества — интеллигенцию — в качестве возможной, ближайшей, радикальной движущей силы развития... Кто все больше возмущается тем, что Маркс назвал «всей старой мерзостью»? Кто именно и мыслит, и действует радикально? Во всем мире и внутри блоков и вне их — ответ будет одинаков — это молодая интеллигенция».

² К этим работам следует добавить многочисленные интервью, которые давал Маркузе органам печати различных направлений на протяжении последних двух-трех лет. Взятые сами по себе, они могут дезориентировать читателя, но рассматриваемые вкупе с его теоретическими исследованиями, они могут помочь раскрыть ход мысли нашего «социального критика».

нужден более осторожно подходить к оценке роли пролетариата в современном мире. Если в «Одномерном человеке» рабочий класс безоговорочно «списывается» в качестве революционной силы, то, например, в «Очерке об освобождении», а также в ряде интервью, относящихся к 1968 и 1969 годам, просматривается уже определенная дифференциация роли отдельных национальных и региональных отрядов пролетариата.

Маркузе прежде всего отмечает, что в зоне «третьего мира» пролетариат — там, где он существует — продолжает «сохранять за собой функцию «активного», реального «субъективного» «агента исторического процесса», ибо там совпадают объективный и субъективный факторы преобразования.

«Оба исторических фактора совпадают в обширных районах Третьего Мира, где Фронты Национального Освобождения и партизаны ведут борьбу при поддержке и участии класса, который является основой процесса производства, а именно преимущественно аграрного и находящегося в процессе становления промышленного пролетариата»¹.

Напротив, такого совпадения «объективного и субъективного» Маркузе не видит в развитых капиталистических странах. Он, правда, поначалу выдвигает, казалось бы, многообещающий тезис:

«Радикальное преобразование общественной системы все еще зависит от класса, который составляет человеческую базу процесса производства. В развитых капиталистических странах это индустриальный рабочий класс»². Или такое заявление: «Было бы, конечно, бессмыслицей говорить, что оппозиция среднего класса заменяет пролетариат как революционный класс, и что люмпен — пролетариат становится радикальной политической силой»³.

Так в чем же тогда проблема? Проблема в следующем.

«В царстве корпоративного капитализма, — пишет Маркузе, — два исторических фактора преобразования, субъективный и объективный, не совпадают: они превалируют в различных и даже антагонистических тупиках. Объективный фактор, т. е. человеческая база процесса производства, который воспроизводит утвердившееся общество, существует в лице индустриального рабочего класса как человеческого источника и резервуара эксплуатации; субъективный фактор, т. е. политическое сознание, существует в лице неконформистской молодой интеллигенции»⁴.

Таким образом, оказывается, что рабочий класс развитых капиталистических стран, по Маркузе, может быть назван революционным лишь с точки зрения потенциальной, но реально он уже не является таковым, ибо

«рабочий класс в период стабилизации принимает на себя «выполнение стабилизирующей, консервативной функции»⁵.

¹ H. Marcuse. An Essay on Liberation, Boston, 1969, p. 56.

² Ibid, p. 51.

³ Ibid.

⁴ Ibid, p. 56.

⁵ «Kujizevne novine», Beograd. 14. IX. 1968, № 336.

Маркузе, правда, оговаривается в последних своих работах и выступлениях, что стабилизирующая функция пролетариата в разных странах различна, поскольку различна степень «интегрированности» пролетариата.

«Ситуация в отдельных капиталистических странах крайне различна, — обнаруживает вдруг Маркузе. — Неодинаковое развитие капитализма сейчас гораздо больше, чем когда-либо. Если возьмем, например, с одной стороны США, а с другой стороны — Францию и Италию, то я бы сказал, что в США интеграция рабочего класса в капиталистическую систему вошла настолько далеко, что ни о каком революционном потенциале не может быть и речи... во Франции и Италии интеграция рабочего класса гораздо слабее, чем в США, и она охватывает только незначительный слой трудящихся»¹.

Но эти различия, по Маркузе, влияют — повторяем — лишь на степень восприимчивости рабочим классом революционного фермента, привносимого извне. И вот здесь на историческую арену выходит интеллигенция, студенты, которые должны взять на себя революционную инициативу, пробудить рабочий класс от спячки и, используя его в качестве грубой мускульной силы, разрушить истеблишмент.

«Будучи революционным классом» «в себе», не «не для себя», объективно, но не субъективно, он (рабочий класс. — Э. Б.) будет зависеть в своей радикализации от катализаторов, находящихся вне его рядов².

Эти катализаторы — интеллигенция и студенчество.

Что же тогда реально меняют оговорки Маркузе относительно роли рабочего класса? В сущности — ничего. То, что Маркузе признает рабочий класс в качестве потенциальной революционной силы, никак не смягчает его отрицания роли пролетариата как реальной силы революции, ибо реализация потенциала стоит под большим вопросом и представляется Маркузе весьма и весьма сомнительной. С другой стороны, оговорки социального кригика относительно «детонирующей», «катализирующей» функции интеллигенции (студенчества в том числе) тоже не меняют скептического отношения Маркузе к пролетариату. Ведь интеллигенция не просто просвещает рабочий класс, она сама, как полагает Маркузе, способна начать революцию, либо используя при этом рабочий класс как чисто материальную силу для воплощения своих идей (функция своего рода чернорабочего от революции), либо вовсе обходясь без рабочего класса — по крайней мере на первых порах.

«Майско-июньские события во Франции показали, — говорил Маркузе в одном из интервью, — что там не только существует взрывчатый материал, но что он может и взрываться. Единственно, чего не удалось достичь, это широкого сотрудничества студентов и рабочих. Причины этого явления

¹ «Knjizevne novine», Beograd. 14.IX. 1968, № 336.

² H. Marcuse, An Essay on Liberation, p. 53.

стоит рассмотреть особо. Во всяком случае, начало положено, и теперь ясно, что революционное движение — назовем его мирным и недоразвитым, возможно и без выступления рабочего класса¹.

Добросовестный критик не может без серьезных оговорок поставить Маркузе рядом с Раймоном Ароном, оценивающим роль интеллигенции с позиций идеолога технократической элиты², хотя некоторые высказывания Маркузе дают резонные основания для обвинения его в «элитарном», «аристократическом» подходе к трудящейся массе: масса (в том числе и рабочий класс) — для Маркузе всегда объект манипуляций, она всегда позволяет себя обманывать, она упивается возможностью реализации навязанных ей извне «ложных» потребностей, будучи не в состоянии отличить их от потребностей «истинных»³. Словом, она не в состоянии сама разобраться в собственных проблемах и нуждается — «пока», «к сожалению» — в духовном пастыре в лице радикального меньшинства.

Откуда, однако, проистекают эти элитарно-аристократические мотивы — из политических убеждений? Скорее, все-таки — из философских воззрений социального критика. Если внимание Маркузе к «аутсайдерам», к «маргинальным» силам как носителям революционного фермента было связано не столько с социологическим анализом социальной реальности индустриальных обществ, сколько с «философией противоречия», то его ориентация на интеллектуалов вытекает из идущей от Гегеля оценки положения «разума», социальной формой объективации которого выступает слой интеллектуалов. Подобно тому как у Гегеля, не без оснований утверждает один из критиков Маркузе, разум предвосхищает цели развития, так и у Маркузе интеллектуалы обладают способностью заранее познавать истинные цели и интересы как собственные, так и чужие⁴.

Абстрактно-умозрительный подход к выяснению вопроса об изменении социальной функции интеллигенции в развитом обществе, изменении традиционно сложившихся отношений между работниками умственного и физического труда не позволяет Маркузе найти верное решение этого вопроса и обнаружить тенденцию дальнейшего изменения этих отношений. Но в чем состоит реальное изменение социальной функции

¹ «Knjizevne novine». Beograd, 14 IX, 1968, № 336.

² Эта позиция отчетливо проявляется в ряде работ Арона, в частности в его книге «Опиум интеллигенции» (1955), где он, например, пишет: «Революции XX века не являются пролетарскими, они задуманы и осуществлены интеллигентами. Они испровергают традиционную власть, не отвечающую представлениям века техники».

(Aron R. L'Opium des intellectuels: Paris, 1955, p. 321).

³ См. особенно H. Marcuse. An Essay on Liberation ch. 1.

⁴ Rehak G. Die Philosophie der «Neuen Linken». Eine Antwort an Norbert Leser. — «Die Zukunft», 1968, Hft. 40, S. 12—14.

интеллигенции, изменение соотношения социальных функций работников физического и работников умственного труда, позволяющее последним выступать в качестве относительно самостоятельной революционной силы? Означает ли социальная активизация интеллигенции превращение рабочего класса в «консервативную и даже контрреволюционную силу», как полагает Маркузе?

Изменение социальной функции интеллигенции происходит прежде всего из изменения ее материального бытия, ее места в социальной структуре буржуазного общества, ведущего к постепенной утрате (в плане реального социального положения) некогда действительно присущей ей «маргинальности» (как следствия неучастия в непосредственном производстве прибавочной стоимости). Функционируя в рамках домонополистического капиталистического общества, интеллигенция оставалась в массе своей не втянутой в систему отношений между трудом и капиталом, т. е. «маргинальной» по отношению к пролетариату и крупной буржуазии, социальной группой. Это состояние и было, собственно, зафиксировано Марксом в категории «непроизводительного труда». Непроизводительность труда интеллигенции обуславливалась отнюдь не содержанием, не предметом этого труда, но лишь его неключенностью в систему капиталистических отношений. Маркс подчеркивал (особенно в «Теориях прибавочной стоимости»), что «производительный труд» — это такая характеристика труда, которая непосредственно не имеет абсолютно ничего общего с определенным содержанием труда, с его особой полезностью или со специфической потребительной стоимостью, в которой он выражается.

«Один и тот же вид труда может быть как *производительным*, так и *непроизводительным*»¹. Интеллигент домонополистического капиталистического общества был «свободным художником», продававшим не свою рабочую силу, как пролетарий, а лишь продукты своего труда, в которых он выражал собственную натуру. «...Мильтон, написавший «Потерянный рай» и получивший за него 5 ф. ст., ...создавал «Потерянный рай» с той же необходимостью, с какой шелковичный червь производит шелк. Это было действительное проявление его натуры»². «А лейпцигский литератор-пролетарий, фабрикующий по указке своего издателя те или иные книги (например, руководства по политической экономии), является *производительным работником*, так как его производство с самого начала подчинено капиталу и совершается только для увеличения стоимости этого капитала»³. Не для капиталистического общества конца XIX — первой половины XX века и типичной

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. 1, стр. 410.

² Там же.

³ Там же.

фигурой был интеллигент именно типа Мильтона, а не типа лейпцигского литератора-пролетария.

«В большинстве случаев,— подчеркивает Маркс, касаясь художественного и научного творчества,— здесь дело ограничивается *переходной к капиталистическому производству формой*, заключающейся в том, что люди, занятые различными видами научного и художественного производства, ремесленники или же мастера своего дела, работают на совокупный торговый капитал книготорговцев,— отношение, не имеющее ничего общего с капиталистическим способом производства в собственном смысле слова и еще не подчиненное ему даже формально. То обстоятельство, что именно в этих переходных формах эксплуатация труда достигает наивысшей степени, нисколько не меняет существа дела»¹. Характер эксплуатации «свободного художника» скрывал от последнего противоречивое положение его как «свободного» художника и «несвободного» эксплуатируемого работника. В этих условиях разрыв между состоянием сознания и бытия интеллигента не мог достичь такого критического уровня, который бы позволил массе работников умственного труда самостоятельно выступить против существующих социальных порядков.

Эту ситуацию, характерную для XIX века, Маркузе догматически переносит на современное развитое буржуазное общество, не замечая того, что в современных условиях социальное бытие интеллигенции существенно изменилось. «Неангажированный художник», «вольно парящий над обществом», все более становится анахронизмом. Капиталистические отношения распространяются на те сферы труда, где раньше господствовали, по словам Маркса, «переходные к капиталистическому производству формы».

В своей последней книге «Интеллигенция сегодня» английский буржуазный социолог Т. Р. Файвел, решивший дать сравнительный анализ положения западноевропейской интеллигенции «вчера» и «сегодня» и изучивший с этой целью характер деятельности 80 «молодых интеллигентов» в Англии, Франции и Западной Германии, приходит к заключению о радикальном изменении положения художников в «сегдневном мире». «Не так давно,— замечает он,— общественному взору писатель рисовался как свободный интеллект, сидящий в одиночестве в своем кабинете, скопачивший и бунтующий. Сегодня 90% писателей представляют собой в основном техников от литературы, выдающих по строгому заказу продукцию для рекламы, журналов, кино и телевидения и воспринимающих как само собою разумеющееся свою работу и свой статус в качестве части технического коллектива»².

В развитом капиталистическом обществе интеллигенции, как более или менее единой с точки зрения социального бы-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. 1, стр. 420.

² Fyvel T. Intellectuals do-day. Problems in a Changing Society. d, 1968, pp. 58—59.

тия общественной группы, теперь уже практически не существует и она уже не может быть безоговорочно отнесена к «средним слоям», которые служат «верхним десяти тысячам». Это относится не только к гуманитарной, но и к технической интеллигенции (или, как называют ее буржуазные социологи, к «техническим профессионалам»), положение которой в условиях развитого капиталистического общества принципиально не отличается от положения гуманитариев, продающих свою рабочую силу. Превращение науки в непосредственную производительную силу все более усиливает социальную дифференциацию некогда более или менее единой по своему социальному бытию группы: одна ее часть вливается в ряды буржуазии или непосредственно примыкает к ней; другая — значительно большая по объему — вовлекается непосредственно в сферу производства прибавочной стоимости, и ее труд становится производительным, близким к труду промышленного рабочего. Это относится прежде всего к той интеллигенции, труд которой не только создает прибавочную стоимость, но вместе с тем в условиях идеологического манипулирования выступает как необходимая предпосылка производства прибавочной стоимости промышленным пролетариатом. В этой ситуации интеллигент, занятый производительным трудом, объективно с точки зрения своего социального бытия становится «пролетарием умственного труда», приближаясь к положению нового «органического» отряда рабочего класса, труд которого все более приобретает типично пролетарский, а именно частичный, «конвейерный» характер.

Но при этом «бытийное», объективное сближение интеллигента, вовлеченного в процесс производства капитала с пролетариатом, еще не находит адекватного субъективного отражения в сознании основной массы эксплуатируемых интеллектуалов. Лишенная своего единого группового социального статуса, размываемая как единое целое и «разбрасываемая» капитализмом по различным более крупным социальным группам, интеллигенция в значительной своей части (как та, которая по своему объективному бытию непосредственно примыкает к буржуазии, как и та, которая вливается в ряды пролетариата или примыкает к нему) продолжает мыслить категориями единого группового и с этой точки зрения действительно «маргинального» сознания. Отсюда разрыв между реальным социальным бытием пролетаризированной интеллигенции, приближающим ее к рабочему классу, и состоянием ее сознания, отдаляющим интеллигенцию от пролетариата.

Именно этот разрыв определяет противоречивость социального поведения и характер социальной роли данной части интеллигенции. Подпадая под непосредственную власть капи-

тала, она выступает против системы капиталистических отношений, поскольку эта система лишает значительную часть интеллигенции традиционного «вольного» статуса, а вместе с ним и тех привилегий, которыми она прежде располагала, как группа, связанная с «переходной к капиталистическому производству формой». В сознании этой части интеллигенции «отрицание условий пролетарского существования» (пользуясь выражением Сартра), выражающееся в ее антикапиталистических лозунгах и действиях, связано прежде всего не с осознанием общности бытия пролетария и интеллигента, а с отрицанием ее собственного, «нового» существования как пролетарского существования, на которое она «обречена» (поскольку «буржуазное существование» для нее становится исключенным), но которое она эмоционально-психологически не приемлет.

Однако объективно, хотя и этого пролетаризированные интеллигалы или нет, их действия далеко выходят за рамки «интеллигентского недовольства» и предстают как превращенная форма проявления революционности самого рабочего класса. А их же «собственные» требования — поскольку они не сопряжены с романтическим «поиском прошлого» — выступают как «рабочие» требования. Изменения социального статуса и социальной функции работников умственного труда, игнорируемые Маркузе, делают совершенно необоснованным противопоставление интеллигенции и пролетариата. Социальная активность эксплуатируемой интеллигенции не отрицает, а, напротив, подтверждает марксистский тезис о пролетариате как революционном классе, как субъекте исторического процесса, разумеется, с учетом реального факта изменения структуры самого пролетариата и механизма его функционирования.

Вместе с тем разрыв между реальным социальным бытием и сознанием этой интеллигенции ограничивает в условиях буржуазного общества ее роль как самостоятельной революционной силы, ограничивает пролетарский характер ее требований и сужает их классовое содержание. Уже одно это свидетельствует о том, что «традиционный» крупнопромышленный пролетариат не может «полностью» и «окончательно» передать свои революционные функции новым категориям эксплуатируемых тружеников, вливающих в ряды пролетариата.

В еще меньшей степени обосновано противопоставление рабочему классу студенчества как новой социальной силы (или даже «класса»), если не заменяющей рабочий класс, то организующей и направляющей революционный процесс.

Положение учащейся молодежи в развитых капиталистических странах заметно изменилось за последние десятилетия: из небольшой привилегированной корпорации студен-

чество превратилось в массовый социальный слой; демократизировался его состав; усилились его связи с представителями наемного труда. Но изменились и перспективы студенчества: труд, окруженный ореолом свободного творчества, — перспектива, на которую «буржуазный университет» по традиции ориентирует своих воспитанников, утрачивает свой творческий, независимый характер и обнаруживает тенденцию к превращению в разновидность индустриального труда; а студенчество утрачивает некогда прочную связь с буржуазными слоями, из которых оно в основном рекрутировалось и куда снова возвращалось по окончании университета. Теперь молодежь после завершения образования пополняет в той или иной мере все классы и слои, в том числе и ряды безработных.

Такая ситуация вызывает конфликт между прежним социальным статусом и связанными с ним «ожиданиями» значительной части студенчества, которые формируются по старым (ныне уже анахроничным) стереотипам, и реальной перспективой, ожидающей выпускников высшей школы. Этот конфликт и выступает в качестве одной из движущих сил «революционного бунта» учащейся молодежи. Показательна в этом отношении одна из студенческих листовок.

«Раньше, — говорится в листовке французских студентов, — мы представляли собой ничтожную горстку будущих привилегированных лиц. Теперь мы являем собой *слишком большое «меньшинство»*. Таково противоречие, с которым столкнулись мы, дети буржуа. Мы больше не уверены в своем будущем положении руководителей. Таков единственный источник нашей революционности... Отныне мы такие же трудящиеся, как и все остальные»¹.

Как и «бунт» интеллигенции, «бунт» студенчества оказывается отрицанием его «нового» существования как пролетарского — с той лишь разницей, что это бунт против ожидающих его перспектив. Студент не может остаться буржуа, он должен (волею обстоятельств) превратиться в пролетария, но он не хочет этого превращения и потому выступает против этих принуждающих обстоятельств. Реально превращаясь в рабочего, он отрицает себя как рабочего. Но принуждающие обстоятельства далеко не всегда идентифицируются студенчеством с системой капиталистических отношений, принимая порой более частное, более «узкое» выражение и вызывая протест против порядков в буржуазном университете.

Причисляя себя, как «пария от буржуа», к рабочим и устанавливая, таким образом, общность своей судьбы с судьбой пролетариата, студент начинает связывать собственное освобождение с революционно-освободительным движением рабо-

¹ Цит. по кн.: Ленинизм и мировое революционное рабочее движение, стр. 495.

чего класса, всех трудящихся. И в этом, быть может, состоит один из самых замечательных сдвигов в его сознании, один из прогрессивных итогов «красного мая». Но, отождествляя себя с рабочим, связывая с ним свою судьбу и стремясь преодолеть нежелательное для него «пролетарское положение», студент требует от рабочего действий, согласующихся со своим собственным представлением о «революционном пролетариате». Это представление не является для него ни результатом научного анализа, ни плодом внутреннего умозрения, ни даже выражением некоего, выношенного в его голове абстрактного идеала пролетария. Идеалом революционного рабочего является для студента... сам студент, как новый, т. е. просвещенный пролетарий. Поэтому все, что в политическом поведении рабочего класса не соответствует его собственной модели поведения, студент отвергает как непролетарское, неревolutionонное. Такая позиция студенчества служила, как это было верно отмечено марксистской критикой¹, одним из препятствий для осознания студентами (и «профессионалами») объективного совпадения их интересов с интересами рабочего класса и создания единого антимонополистического фронта.

Обладая колоссальной взрывной силой, «бунт» учащейся молодежи сплывает студенчество прежде всего на базе идеологического и политического отрицания реальности и перспектив развитого капиталистического общества. Но поскольку общность группового бытия молодых людей, зафиксированная в категории «студенчества», распространяется лишь на сравнительно короткий период жизни каждого из сменяющихся поколений, студенчество не может иметь собственных стратегических интересов, которые позволили бы ему, исходя именно из этих интересов, выработать позитивную программу, отражающую реальные потребности общественного прогресса — потребности, связанные в конечном счете с производством материальной и духовной жизни общества, вырабатываемые и воспроизводимые группами, занятыми в производственной сфере. И если программы, претендующие на всеобщность, все-таки выдвигаются студенческими идеологами, то как таковые они реальны лишь постольку, поскольку отражают реальные интересы и потребности классов и групп, в деятельности которых воплощен господствующий в данном обществе способ производства.

Студенчество, следовательно, может выступать как политический союзник пролетариата и как одна из социальных сил, передовая часть которых несет революционное сознание в ряды рабочего класса, либо стимулирующих идеологов пролетариата и его партии к новым теоретическим поискам.

¹ См. Ленинизм и мировое революционное рабочее движение, стр. 497.

В этом отношении левое студенчество в капиталистических странах сближается с левой частью интеллигенции.

Но рост антикапиталистической активности определенной части студенчества и интеллигенции в развитых капиталистических странах вовсе не свидетельствует о том, что в историческом плане они вытесняют, заменяют рабочий класс как «консервативную» силу, примирившуюся с существующей действительностью. Напротив, эта активность служит новым подтверждением углубления противоречий между капиталом и трудом — противоречий, которые определяют революционно-критическое отношение рабочего класса, как создателя прибавочной стоимости, к капитализму и которые он не может разрешить иначе, как путем социальной революции. Исторический опыт подтверждает, что *«в цитаделях капитализма рабочий класс... является главной движущей и мобилизующей силой революционной борьбы, всего демократического антиимпериалистического движения»*¹.

Один из существенных пунктов «новой концепции» революции Г. Маркузе (активно поддерживаемый большинством леворадикальных идеологов, и прежде всего анархистским крылом «новых левых» во главе с Д. Кон-Бендитом) — это отрицание авангардно-революционной роли марксистско-ленинской партии. Уже в «Одномерном человеке» Маркузе обрушивается на коммунистическое движение и коммунистические партии развитых капиталистических стран (прежде всего на ИКП и ФКП), обвиняя их в пособничестве установленным буржуазией режимам, в «парламентаризме» и превращении в «партии порядка». В «Очерке об освобождении» он дальше развивает эту линию.

«Традиционная роль марксистско-ленинской партии состояла в том, чтобы готовить почву для этого развития (речь идет о развитии радикального политического сознания у масс. — Э. Б.). Стабилизирующая и интегрирующая сила высокоразвитого капитализма и потребности «мирного сосуществования» заставили эту партию «парламентаризироваться», стать составной частью буржуазно-демократического процесса и сконцентрировать свое внимание на экономических требованиях. Этим она скорее препятствует, нежели содействует выработке радикального политического сознания»².

Не менее хлесткие обвинения в адрес коммунистических и рабочих партий развитых капиталистических стран (особенно в адрес ФКП) были брошены в период после майских событий 1968 года и рядом других идеологов «новых левых», в том числе Соважо, Сэртром и Кон-Бендитом, который за недостатком теоретических аргументов перешел к практическим призывам «кололоть парней из коммунистической партии»³. «Радикальные критики» оказались, таким образом, в одном политическом лагере с ярыми антикоммунистами, ведущими подрывную деятельность против

¹ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Прага, изд-во «Мир и социализм», 1969, стр. 24.

² Н. Маркузе. An Essay on Liberation, p. 54.

³ Цит. по кн.: Борьба классов и современный мир. М., «Наука», 1970, стр. 77.

коммунистических сил. Этот парадокс трудно объяснить внезапной эволюцией взглядов идейных вождей «новых левых», тем более, что некоторые из них, например Сартр, сильно расходятся с антикоммунистами по ряду острых политических вопросов современности. Причина сложившегося мезальянса кроется прежде всего в том, что леворадикальные идеологи исходят в своих оценках стратегии и тактики коммунистов из собственных — по существу своему «левацких», анархистских — представлений о том, какой должна быть деятельность коммунистических партий. Логика их рассуждений примитивна: если партия не отказывается от использования буржуазного парламента в качестве одного из орудий своей политики — значит она «парламентаризирована»; если партия идет на тактические компромиссы с другими партиями и использует, скажем, институт выборов — значит она «интегрирована» в капиталистическую систему; если партия не призывает к авантюрам — значит она контрреволюционна. Естественно, что столь узкий образ мышления, столь догматический подход к вопросам стратегии антикапиталистической борьбы не мог не привести леворадикальных идеологов к теоретически несостоятельным и политически реакционным выводам.

Коммунистические и рабочие партии, опираясь на принципы марксизма, отвергают догматический, односторонний подход к выбору средств, методов и форм ниспровержения капитализма, тем более, когда они имеют дело с таким политически опытным и коварным противником, как, скажем, английская буржуазия, и действуют в условиях стран, где сложились определенные политические традиции, оказывающие влияние на состояние массового сознания трудящихся. Как отмечалось в итоговом Документе международного Совещания коммунистических и рабочих партий (Москва, 1969 г.), «коммунистические и рабочие партии проводят свою деятельность в весьма разнообразных, специфических условиях, которые требуют соответствующего подхода к решению конкретных задач»¹. В зависимости от этих условий «каждая партия... разрабатывает свою политику, определяет направления, формы и методы борьбы, выбирает в зависимости от обстоятельств мирный или немирный путь перехода к социализму, а также формы и методы строительства социализма в своей стране»².

При этом важно учитывать еще и то, что, разрабатывая стратегию и тактику, принимая решения по вопросам конкретной политики, Коммунистическая партия не может не учитывать всей совокупности политических, экономических и идейных последствий, с которыми может быть связано принимаемое ею решение, не может приносить коренные интересы рабочего класса в жертву «популярности» среди мелкобуржуазных слоев, стратегические цели — в жертву временным выгодам. Занимая принципиальную марксистскую позицию по вопросам борьбы против монополий, против буржуаз-

¹ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Прага, 1969, стр. 41.

² Там же.

ного государства, против агрессии империализма и политики военно-промышленного комплекса, коммунисты не имели права, как это делали многие буржуазные политические деятели, льстить «новым левым», дабы снискать их расположение, не могли закрывать глаза на слабые стороны леворадикального движения, ибо в конечном счете это могло нанести удар по коммунистическому движению, а кстати сказать, и по движению антикапиталистически настроенных леворадикалов.

Идеологи «новых левых» неустанно подчеркивают роль студенческих выступлений для дальнейшего развития революционных тенденций в капиталистических странах, не учитывая при этом, что во многих странах, и прежде всего в таких, как Франция и Италия, само студенческое движение в тех масштабах, в которых оно развивалось, и в том антибуржуазном русле, по которому оно в целом протекало, было подготовлено предшествующей борьбой рабочего класса, возглавляемой Коммунистической партией, и что та совокупность требований, которую выставили «новые» леворадикалы, те «новые» потребности, о которых они заявили, стали возможны лишь вследствие тех завоеваний, которых добился рабочий класс, направляемый коммунистами. Можно без преувеличения сказать, что и дальнейшая судьба прогрессивных тенденций «нового левого» движения будет во многом зависеть от того, насколько прочными будут позиции коммунистических партий развитых капиталистических стран, насколько прочен будет союз между «новыми» леворадикалами и коммунистами, а не от того, удастся или не удастся леворадикалам, как утверждают Маркузе и Кон-Бендит, изолировать коммунистические партии от масс и ослабить их позиции в обществе. «Совершенно очевидно, — констатировала «Юманите», — что развертывание студенческого движения было облегчено тенденцией к единству и подъему борьбы трудящихся, демократических сил против голлистского режима в последние годы. Вместе с тем студенческое движение создало благоприятную атмосферу для подъема движения рабочего класса. Прочное единство тех и других служит залогом совместной победы»¹. Организующим и направляющим центром борьбы за это единство выступают коммунистические партии — штабы антикапиталистической революции.

Теоретической базой резко критического отношения Маркузе к коммунистическим партиям, использующим легальные методы борьбы, служит его концепция так называемой «репрессивной терпимости». В условиях демократических буржуазных режимов, утверждает Маркузе, господствующие группы допускают («терпят») существование открытой оппозиции (оппозиционные партии, оппозиционные выступления в

¹ Цит. по кн.: Борьба классов и современный мир, стр. 71.

печати, по радио и телевидению, выборы и т. п.), но лишь в таких пределах и формах, которые не угрожают самому существованию господствующих общественных отношений, порождая при этом иллюзию наличия подлинной демократии, вовлекая силы отрицания истеблишмента в «игру», чтобы в конечном счете «размягчить», распылить, дезорганизовать их и подавить. Поэтому силы отрицания должны — если они хотя бы остаются оппозиционными — избавиться от иллюзий возможности использования буржуазной демократии в революционных целях и решительно выйти из «игры».

Маркузе верно схватывает одну из тенденций развития буржуазно-демократического общества (прекрасно известную коммунистам), а именно стремление государственно-монополистической буржуазии с помощью различных форм материального и духовного манипулирования в скрытой форме взять обратно те уступки, которые были вырваны у нее трудящимися, использовать демократию в антидемократических целях, т. е. придать ей еще более формальный характер. Это реальная тенденция, характерная для буржуазных обществ, где существуют относительно устойчивые «традиции» буржуазной демократии и где, следовательно, открытая ликвидация буржуазно-демократических институтов и свобод могла бы вызвать нежелательный для господствующих сил революционный взрыв¹.

Но Маркузе не видит противоречивого характера демократических институтов современного капиталистического общества, проявляющегося уже в том, что, выступая как буржуазные, они в то же время могут быть использованы для

¹ Строго говоря, те рычаги нейтрализации оппозиции или, даже прямого вовлечения ее в «игру», которые Маркузе называет «репрессивной терпимостью», вовсе не являются «привилегией» современного капиталистического общества. Подобные рычаги, как и подобная «игра», были известны еще в рабовладельческом обществе, например в Древней Греции. Атический тиран Писистрат (VI век до н. э.) — всемогущий и хитрый повелитель, боровшийся против рабовладельческой демократии, придя к власти, «не тронул ни одного органа власти из возникших до него, включая и демократические. Они просто перестали играть свою роль, когда над ними стала фигура тирана, опирающегося на армию и безмолвие подданных» (см. «Философские проблемы исторической науки». М., «Наука», 1969, стр. 128). Писистрат, конечно, неспроста сохранил демократические институты, которые рассматривались им как выгодное прикрытие, камуфлирующее тиранический характер правления. Но демократические институты Древней Греции не отражали ни в малейшей степени интересов трудящегося плебея, не говоря уже о рабах, они не были завоеванием трудящихся. Тем не менее Писистрат, имея полную на то возможность, и не думал ликвидировать эти институты. В развитом же буржуазном обществе демократические институты при всей их двойственности являются реальным завоеванием нации и выступают не только показателем исторического прогресса, важным для выявления отличия одного этапа развития этого общества от другого, но и фактором обеспечения насущных (хотя и крайне урезанных) интересов трудящихся.

борьбы против монополий, за демократические преобразования¹.

Призывая «аутсайдеров» подвергнуть радикальному отрицанию буржуазные свободы, Маркузе не в состоянии ничего, кроме самых общих фраз о гуманности и справедливости, сказать о подлинных свободах, которые должны прийти им на смену, о путях завоевания этих свобод.

Между тем в развитии демократии (как одного из элементов культуры) существует своя преемственность: новый тип демократии вырастает на базе диалектически «снимаемой» демократии старого типа. Более того, уровень развития, реального воплощения и темпы становления демократии нового социалистического типа находятся в определенной связи с уровнем демократического развития исторически предшествовавшего общества, т. е. с «демократическими традициями». Конечно, массовое революционное движение трудящихся рождает в процессе революции новые, народные формы организации власти и управления (как это было, например, с Советами в России), которые непосредственно не вытекают из традиционных форм и потому не могут быть заранее «предугаданы». В этом плане в рассуждениях Маркузе и некоторых идеологов «новых левых» есть зерно истины, когда они говорят, что сам процесс отрицания старого общества рождает новые формы организации общества грядущего. Но поскольку речь идет о сегодняшнем дне, т. е. о создании общества, которое в современных условиях не может не быть государственно оформленным, то неизбежно встает вопрос о том, в какие законодательно-исполнительные формы отольются со временем вновь родившиеся идеи свобод и институтов, первоначально возникшие как формы движения масс. Это зависит уже во многом от степени демократической зрелости разрушенного общества, от того, насколько массы, и прежде всего рабочий класс, воспитаны в духе демократии, вырванной у буржуазии предшествующими поколениями нации (опыт Китая, например, показывает, что массы, не вкусившие от буржуазно-демократических свобод, легко могут проглядеть вырождение начавшей складываться социалистической демократии).

Легальная коммунистическая партия, как партия действительно борющаяся за осуществление революционных преобразований и ведущая эту борьбу повседневно и ежедневно, а

¹ Отказ прогрессивных сил от «легальной» парламентской деятельности, от участия в «игре» имеет еще одну сторону, на которую обращают внимание не только коммунисты, но и многие критики Маркузе, весьма далекие от симпатии к коммунизму: этот отказ, «оставляя демократию на произвол судьбы», открывает путь реакционно-гогелитарным силам, рвущимся к власти и не без основания видящим в буржуазной демократии преграду, отделяющую их от цели.

не откладывающая ее до «более благоприятного» момента, столь же органически вплетена в конкретную политическую организацию буржуазного общества, сколько и рабочий класс «вплетен» в капиталистический базис (одно связано с другим). Подобно тому как рабочий класс ведет борьбу за отрицание капиталистического способа производства, вступая в определенные отношения (вступая в «игру») с капиталом, так и коммунистическая партия, оставаясь оппозиционной по отношению к буржуазному обществу партией, не может выполнять свою оппозиционную роль иначе, как вступая в «игру» с политическими силами буржуазии, ибо функционировать в обществе и быть свободным от этого общества невозможно. При этом партия, естественно, использует самые различные, в том числе и парламентские, рычаги, равно как и весь доступный ей и отвечающий решению стоящих перед ней задач технический и социально-психологический арсенал, всю совокупность средств массовой коммуникации, которыми пользуются партии буржуазии¹.

Но Маркузе не замечает противоречия между известной общностью средств, которыми пользуются компартии и партии буржуазии, и принципиальным различием конечных целей, на достижение которых направляются эти средства, тем более, что и сами «средства» приобретают в современных условиях противоречивый характер. Тот же буржуазный парламент как одно из средств борьбы пролетариата против буржуазии следует рассматривать как механизм, структура (какая может быть использована победившим пролетариатом) и функции (какие парламент призван исполнять в буржуазном государстве) которого образуют внутреннее противоречие. Конечно, «легальные средства», используемые борющимся пролетариатом в силу своей внутренней противоречивости, приходят на тех же или иных этапах в противоречие с конечными целями, которые он преследует, но ведь пролетариат и не давал никогда обещания использовать только «легальные» средства, вопрос лишь в умении соблюдать меру, найти верный момент «выхода из игры» и революционного отрицания отношений господства и подчинения.

Каков же итог изысканий Маркузе в области теории революции, ее стратегии и тактики в условиях развитого капитализма? Пролетариат «остаётся» потенциально революционной силой; но ему не хватает революционного сознания, что реально бросает его в объятия контрреволюции. Студенчество, интеллигенция, напротив, обладают революционным сознанием, они могут даже «начать» революцию, но «завершить» ее они не в состоянии, а союз между пролетариатом и

¹ Этот момент отмечался, например, на последнем, XIX съезде ФКП в феврале 1970 г.

интеллигенцией, который позволил бы соединить объективный и субъективный факторы революции, — далекая мечта... Где же «новый агент» революционного действия, призрак которого витал перед взором Маркузе в дни майских битв на Елисейских Полях? Где новая революционная теория?

Ответ Маркузе на эти вопросы говорит сам за себя. «Там, где традиционный рабочий класс перестает быть «могильщиком» капитализма (т. е. в развитых капиталистических странах. — Э. Б.), выполнение этой функции остается, так сказать, временно отложенным, и политические усилия, направленные на изменения, остаются «пробными», подготовительными не только во временном, но также и в структурном смысле. Это означает, что «адресаты», равно как и непосредственные цели и обстоятельства действий, будут определяться скорее изменяющейся ситуацией, нежели теоретически хорошо фундированной и разработанной стратегией. В то же время этот детерминизм — прямое следствие силы системы и диффузии оппозиции — подразумевает перенесение акцента на субъективный фактор; развитие сознания и потребностей приобретает первостепенное значение... В историческом плане мы снова переживаем период просвещения, предшествующий материальному изменению — период воспитания, но воспитания, которое обращено в практику: демонстрацию, конфронтацию, восстание»¹.

«Новая» концепция революции оказывается, таким образом, сведенной к старой концепции просветительства, сопряженного со стихийными «пробами», интеллектуальным мятежом — словом, все с тем же «Великим Отказом», призывом к которому Маркузе завершает «Одномерного человека». Правда, надежда все-таки, кажется, есть. Но она — за пределами «развитого индустриального общества». Эта надежда — «третий мир».

Интерес социального критика к развивающимся обществам легко объяснить. Во-первых, эти общества являют собой живое воплощение социальной реальности, контрастирующей с социальной реальностью «развитого мира», вызывающего отвращение Маркузе. Это своего рода гигантский аутсайдер мирового масштаба. Во-вторых, на почве социальных движений, развивающихся в «третьем мире», вырос в последние годы целый букет леворадикальных теорий, в основе которых лежат идеи, близкие Маркузе: отрицание роли пролетариата в мировом революционном процессе, стирание граней между развитыми капиталистическими и социалистическими странами и объединение их под одной крышей «развитого индустриального общества» или «наций-буржуа» («богатых наций»);

¹ H. Marcuse, *An Essay on Liberation*, p. 53.

противостоящих «нациям-пролетариям» («бедным нациям»), критическо-нигилистическое отношение к науке и технике и культ технико-экономической недоразвитости, апология насилия, «антиэкономизм» и т. д.

«Третий мир», или, как его называет Маркузе, «внешний пролетариат», оказывает, как он полагает, революционизирующее воздействие на развитые капиталистические общества — прежде всего силой примера: «внешний пролетариат» является основным фактором потенциального изменения в пределах царства корпоративного капитализма»¹.

«Однако сила примера, идеологическая мощь внешней революции могут принести плоды только в том случае, если внутренняя структура капиталистической системы начнет разрушаться, а ее способность — ослабевать. Цепь эксплуатации должна разорваться в ее наиболее крепком звене»².

Внешний аутсайдер обнаруживает, таким образом, в конечном счете такое же бессилие, как и аутсайдер внутренний. Надежды оказываются иллюзорными, а мировая стратегия снова сводится к «Великому Отказу», как радикальному неприятию существующих социальных порядков.

Несостоятельность маркузианской концепции мировой революции определяется прежде всего игнорированием роли мировой социалистической системы, которая *«является решающей силой в антиимпериалистической борьбе»*³ и которая вместе с международным рабочим классом выполняет в мировом масштабе ту же роль, что и национальные отряды рабочего класса в рамках отдельных капиталистических стран.

Маркузе произвольно расчленяет мировую социалистическую систему, включая социалистические страны, еще не достигшие высокого уровня экономического развития, в число так называемых «бедных наций», а развитые социалистические страны, прежде всего Советский Союз, — в число «богатых» наций вместе со странами развитого капитализма. В результате этой операции развитие революционного процесса в мировом масштабе оказывается сведенным к борьбе «богатых» (нереволюционных) и «бедных» (революционных) наций, к концепции, которую вот уже в течение ряда лет проповедуют и сторонники теории конвергенции из числа западных буржуазных идеологов и особенно рьяно — маоисты и которая, как уже было показано марксистской критикой, не имеет ничего общего с действительным ходом борьбы классов на международной арене.

Маркузе спекулирует на том реальном факте, что мировая

¹ H. Marcuse, An Essay on Liberation, p. 80.

² Ibid, p. 82.

³ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий, Прага, 1969, стр. 21.

социалистическая система формируется неравномерно (ибо неравномерно развивается капитализм, в недрах которого вызревают предпосылки и элементы социализма), а эта неравномерность неизбежно порождает и различие форм борьбы, которую ведут социалистические страны против мирового капитализма, и различие форм организации общественной жизни в социалистических странах, и противоречия, возникающие между социалистическими странами — явление органически присущее всякому развивающемуся социальному организму. Но переоценивая «имущественную» характеристику, буржуазный критик не хочет видеть объединяющей социалистические страны общности социальных отношений и институтов, существующих во всех социалистических странах, независимо от их «богатства» и «бедности». Имущественный базис, игравший решающую роль в условиях существования локальных государственных образований и недостаточного развития миросистемных связей, конечно, накладывает отпечаток на формы организации общественной жизни и темпы построения социализма в различных странах и может выступать как один из факторов противоречий между социалистическими странами. Но сам по себе он не может «нейтрализовать» или коренным образом деформировать характер общественных отношений и институтов.

Материально-техническая и политическая интеграция, идейное единство создают возможность «компенсации» отсутствующих в той или иной конкретной стране материальных и идеологических факторов социального прогресса благодаря наличию последних в других районах системы и интернациональному обмену услугами, в организации которого определяющая роль принадлежит уже характеру общественных отношений.

Таким образом, весь дальнейший ход развития мирового революционного процесса будет определяться не «противостоянием» «бедных» и «богатых» наций, не успехами борьбы «мировой деревни» против «мирового города», а развитием борьбы объединенных сил мировой социалистической системы, международного коммунистического и рабочего движения и национально-освободительного движения против сил империализма и неокolonизма. Всякая попытка пересмотра теории мирового революционно-освободительного процесса, стратегии и тактики антиимпериалистических сил в сторону умаления роли международного рабочего класса и мировой социалистической системы, всякая попытка противопоставления национально-освободительного движения борьбе рабочего класса объективно способствует разобщению сил, ведущих борьбу за освобождение человечества от гнета капитала. Именно такую роль объективно играет «новая» концепция революции Герберта Маркузе.

Революция воображения или воображение революции?

«Период просвещения», переживаемый современным обществом, призван, по Маркузе, прежде всего разрешить проблему формирования нового «Субъекта исторического процесса». «В условиях тотального капиталистического управления и интроецирования социальное детерминирование сознания является почти полным и непосредственным, происходит внедрение первого во второе. В этих условиях радикальное изменение в сознании есть начало, первый шаг в изменении общественного существования — речь идет о появлении нового Субъекта»¹. Новый субъект должен осознать новые, «истинные» возможности, открываемые развитием науки и техники, и привести в соответствие с ними свои потребности; он должен критически переоценить изменяющееся соотношение между «возможным» и «невозможным». Но для этого необходимо прежде всего развить новую чувственность и укрепить воображение, выводящее за пределы существующей реальности, или, как говорит Маркузе, следуя за Фрейдом, — за пределы — «Принципа Реальности».

Воображение, говорит Маркузе, всегда революционно, пока оно остается свободным: «в великих исторических революциях воображение было в течение короткого периода освобождено и свободно в проектировании новой общественной морали и новых институтов свободы; затем оно приносилось в жертву требованиям эффективного разума»². «Манипуляторы», формирующие «счастливое сознание», стремятся убить способность к воображению, вернее, направить его по такому руслу, которое бы не дало ему возможности вырваться за пределы ложных потребностей. «Порядок и организация классового общества, которое сформировало чувственность и разум человека, сформировало и свободу воображения... сила воображения была подавлена: оно было способно стать практическим, т. е. трансформировать реальность только в пределах общих границ репрессии: за этими пределами практика воображения была нарушением табу общественной морали, была извращением и подрывом»³.

¹ H. Marcuse. An Essay on Liberation, p. 53.

Создание свободного общества, пишет Маркузе в «Очерке об освобождении», предполагает тип человека с иной чувствительностью, равно, как и с иным сознанием: человека, который говорил бы на ином языке (т. е. отказался от агрессивно-торгашеского «жаргона» истеблишмента. — Э. Б.), имел бы иные жесты, следовал бы иным импульсам; человека, который развил бы инстинктивный барьер против жестокости, грубости, безобразности... Воображение таких мужчин и женщин сформировало бы их разум и наметило путь превращения процесса производства в процесс творчества. Таково, — резюмирует Маркузе, — утопическое представление о социализме, которое ставит в поле зрения внедрение свободы в царство необходимости и союз между причинностью по необходимости и причинностью по свободе. Первое означает переход от Маркса к Фурье, второе — от реализма — к сюрреализму»². (An Essay on Liberation, p. 21—22).

² H. Marcuse. An Essay on Liberation, p. 30.

³ Ibid, p. 29.

Поэтому быть революционным, значит, для Маркузе, поощрять и воспитывать свободное воображение, не позволяя принести его в жертву «требованиям эффективного разума».

Маркузе находит здесь активного союзника в лице Сартра, который именно в богатстве воображения видел одну из примечательных черт майского движения французских леворадикалов.

«В вашей деятельности интересно то, — говорил Сартр, обращаясь к Кои-Бендиту, что она ставит у власти воображение... Мы были воспитаны так, что у нас имеется четкое понятие относительно того, что возможно и что невозможно. Рабочий класс часто изобретал новые средства борьбы, но всегда в зависимости от конкретной ситуации, в которой он находился. Ваше воображение гораздо богаче, и лозунги, которые читаешь на стенах Сорбонны, доказывают это. Вы что-то дали. Это что-то удивляет, тормозит, отрицает все то, что сделало наше общество таким, каким оно является сегодня. Я назвал бы это расширением круга возможностей»¹.

Раскованное, свободное воображение должно позволить устранить, по мнению Сартра и Маркузе, «репрессивный» характер искусственно установленных «манипуляторами» границ между «возможным» и «невозможным». Отвечая на вопрос, как он оценивает «утопическую возможность», которую выразили французские студенты своим новым определением политического реализма: «будьте реалистами: требуйте невозможного», Маркузе дает характерный ответ. «Этот лозунг я рассматриваю как один из наиболее отличительных для сегодняшней оппозиции. Он показывает, что мы больше вообще не можем говорить о какой-либо утопии, ибо понятие утопии служит теперь только тому, чтобы предать действительные возможности или представить их как неосуществимые. Лозунг ясно говорит о том, что на современном уровне производительные силы, если только использовать их рационально и в интересах свободы человека, представляют такие возможности для счастья и свободы человека, которые до сих пор вообще не существовали в истории»².

Тут четко обнаруживается парадоксальность маркузианской концепции утопии: быть «реалистом» можно только будучи «утопистом» в глазах «интегрированного» большин-

¹ «Nouvelle Observateur», 20/V. 1968.

² «Knjizevne novine» Beograd, 14.IX.1968 (разрядка наша. — Э. Б.). Такой взгляд на утопию вообще типичен для идеологов «новых левых». Десять лет назад Р. Миллс высказывался об утопии, почти в тех же словах, что и Маркузе. «...Мы должны задать вопрос: в чем теперь заключается действительный смысл понятия утопического? И второй вопрос: не является ли наш утопизм важнейшим источником нашей силы? Я думаю, что «утопической» считается ныне любая критика и любой проект, которые не укладываются в сознании большинства, выходят за рамки замкнутой среды, которую люди могут непосредственно осмыслить и которую они могут с достаточным основанием рассчитывать сразу применить».

ства. К такому «утопизму» Маркузе и призывает, такой «утопизм» он и рассматривает как истинный критерий антибуржуазной революционности, как форму радикального отрицания современного буржуазного общества. Этот «утопизм», с его точки зрения, есть средство разрушения сложившихся в массовом сознании стереотипов, позволяющих увековечивать принципы господства и подчинения. И напротив, то, что «интегрированный» индивид считает «реализмом», есть для Маркузе не что иное, как конформизм, апология существующего порядка вещей: ведь «реальный», т. е. разумный, характер «современного общества» иллюзорен, это нереальное (неразумное) общество, иррациональное в своей рациональности, навязывающее индивиду ложные потребности. Подлинная свобода за его пределами. Эта свобода, раскрывающаяся в утопии, разумна и возможна.

Сама постановка Маркузе (и Сартром) вопроса о конституирующей функции воображения за пределами художественного творчества, о воображении как факторе политической деятельности заслуживает серьезного внимания, поскольку она перекликается с марксистской традицией рассмотрения социально-исторического процесса как человеческого творчества, политики — как искусства, а процесса формирования революционного сознания — как выхода за пределы реально существующих отношений и идеального построения новых социально-политических структур.

Маркузе повторяет известную истину, рассматривая воображение, фантазию как принцип революционно-критического мышления, выводящий за пределы существующей реальности и ставящий перед судом критики все, что кажется обыденному сознанию устойчивым и потому истинным; как путь к революционной практике завтрашнего дня. Воображение выступает как форма разрушения апологетического сознания и условие творческого применения революционной теории к конкретной системе координат, представляющейся «трезвому реалисту» (отучейному фантазировать) не соотносимой с данной теорией.

Революционер обязан уметь фантазировать. «Надо мечтать!» — утверждает Ленин в работе «Что делать?». Отчетливо сознавая, что это требование может прозвучать странно для «революционера-реалиста», Ленин иронически замечает: «Написал я эти слова и испугался. Мне представилось, что я сижу на «объединительном съезде», против меня сидят редакторы и сотрудники «Рабочего дела». И вот встает товарищ Мартынов и грозно обращается ко мне: «А позвольте вас спросить, имеет ли еще автономная редакция право мечтать без предварительного опроса комитетов партии?» А за ним встает товарищ Кричевский и (философски углубляя товарища Мартынова, который уже давно углубил товарища Плехано-

ба) еще более грозно продолжает: «Я иду дальше. Я спрашиваю, имеет ли вообще право мечтать марксист, если он не забывает, что по Марксу человечество всегда ставит себе осуществимые задачи и что тактика есть процесс роста задач, растущих вместе с партией?»¹. Поясняя свою мысль о необходимости развития способности революционера к фантазии, Ленин обращается к известной статье Д. Писарева «Промехи незрелой мысли». «Разлад разладу рознь,— писал по поводу вопроса о разладе между мечтой и действительностью Писарев.— Моя мечта может обгонять естественный ход событий или же она может хватать совершенно в сторону, туда, куда никакой естественный ход событий никогда не может прийти. В первом случае мечта не приносит никакого вреда; она может даже поддерживать и усиливать энергию трудящегося человека... Если бы человек был совершенно лишен способности мечтать таким образом, если бы он не мог изредка забегать вперед и созерцать воображением своим в цельной и законченной картине то самое творение, которое только что начинает складываться под его руками,— тогда я решительно не могу представить; какая побудительная причина заставляла бы человека предпринимать и доводить до конца обширные и утомительные работы в области искусства, науки и практической жизни...»². Когда есть какое-нибудь соприкосновение между мечтой и жизнью, тогда все обстоит благополучно». Вот такого-то рода мечтаний,— замечает Ленин,— к несчастью, слишком мало в нашем движении. И виноваты в этом больше всего кичащиеся своей трезвенностью, своей «близостью» к «конкретному» представители легальной критики и нелегального «хвостизма»³.

Марксиста, следовательно, отличает от утописта-романика не отсутствие воображения, а подход к решению вопроса о том, как соотнести фантазию с реальностью, утопию (построенную на «свободной» фантазии) с наукой, революционный романтизм (основанный на несоизмеренной с реальностью фантазии) с революционным реализмом, как именно сделать фантазию реалистической, а реальность — фантастической.

Но для Маркузе вопроса о разграничении подходов не существует вовсе — ведь «утопии» больше нет, а реальность содержит в себе столь богатые возможности, что их не может

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 171—172.

² Ср. с положением Маркса: «В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении работника, т. е. идеально (К. Маркс. Капитал, т. I, М., Госполитиздат, 1955, стр. 185).

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 172—173.

исчерпать (не то, чтобы обогнать) никакое воображение. Говоря строго, воображение в условиях высокоразвитого общества, по Маркузе, перестает быть продуктивным, сохранив за собой лишь репродуктивную способность, застраховывающую от иллюзорных, утопических проектов. И дело здесь даже не в том, что воображение «приручено», «сковано» истеблишментом, рамки которого не позволяют ему стать продуктивным в своей функции выведения за пределы существующей системы. Атрофирование продуктивности социально-политического воображения Маркузе связывает в основном с высоким уровнем научно-технического развития. Даже вырвавшись за искусственно сдерживающие его рамки, воображение оказывается способным обнаружить, как феномены, лишь такие связи, отношения, реализация которых давно уже объективно подготовлена ходом общественного развития. В этом смысле воображению просто нечего «сочинять»¹, любой фантастический социально-политический проект будет лишь «обнаружен», «открыт», ибо объективно для его реализации существуют все условия. (Разумеется, трактуя о воображении, Маркузе предполагает, что оно мыслится как разумное, не выходящее за пределы биологически обусловленных, «человеческих» способностей и потребностей; поэтому никакие упреки в «сказочности» как созерцательно-бездейтельном мечтании ему предъявлены быть не могут.)

Несомненно, нынешний уровень развития науки и техники в передовых странах мира значительно приблизил реализацию, казалось бы, фантастически-утопических социальных проектов. Темпы научно-технического прогресса ныне столь велики, что они все меньше позволяют, спокойно оглядевшись вокруг, определить грань, отделяющую «возможное» от «невозможного», фантазию, «хватающую в сторону», и фантазию, ведущую вперед. В определении этой грани легко ошибиться. Но это совсем не значит, что ее вовсе не нужно искать, как поступает Маркузе. Отказ от поисков этой грани, в частности игнорирование противоречия между «возможностью-целью» и «возможностью-средством», и лежит в основе рассмотренной выше маркузианской концепции утопии.

Очевидно, что каждый новый этап развития производительных сил требует пересмотра границ реальных возможностей, открывающихся перед человечеством, — пересмотра, фиксирующего «расширение круга возможностей», о котором говорит Сартр. Утопия, как совокупность требований (выраженных в определенном социальном проекте), вступающих в противоречие с реальными возможностями данной социальной организации, например капиталистической, и утопизм, как способ мышления и действия, ориентированный на требование «невозможного», — понятия относительные.

Но Маркузе явно заблуждается, утверждая, что социаль-

ных утопий ныне уже не существует и что оценивать тот или иной социально-политический проект как «утопический» значит предавать действительные возможности. Утопия перестает быть таковой лишь тогда, когда отсутствуют все необходимые предпосылки (подразделяемые по отношению к определенной системе на «объективные» и «субъективные») для реализации рассматриваемого проекта. Наличие субъективной воли к преобразованиям или отсутствию адекватных этому действую материально-экономических предпосылок не лишает утопию ее утопической сущности, не перестает делать предлагаемый проект иллюзорным даже при отчаянных попытках мобилизовать и материализовать эту волю¹.

С другой стороны, наличие материально-экономических предпосылок становления новых общественных отношений при отсутствии воли к преобразованиям — ситуация, типичная, по мнению Маркузе, для развитых капиталистических стран — опять-таки не перестает делать «социальный проект» иллюзорным, утопическим. Маркузе, видимо, и сам понимает, что в несовместимости субъективных и объективных предпосылок отрицания «развитого общества» коренится противоречие, которое делает двойственным и само понятие утопии. Это находит у него проявление в форме социального пессимизма. Ведь он (как, впрочем, и Сартр) не верил, что майское движение приведет к коренным сдвигам в структуре французского общества, хотя и постоянно подталкивал радикальные массы на путь бесстрашного действия.

Сложность проблемы, на которой играет Маркузе, заключается, однако, в том, что новые проекты, формируемые дисциплинированным воображением, ориентированным на определенную цель, не могут без предварительной проверки опытом с достаточным основанием квалифицироваться как утопические или реалистические, и тем в большей мере — чем больше стирается грань между возможностью и действительностью, чем шире круг возможностей. «Откуда же было в такой стране, — говорил Ленин о России, — начать социалистическую революцию без фантазеров?»².

Маркс и Ленин, вскрывая в своих работах антиномический характер политического реализма, видят единственно правильный подход к разграничению «утопическо-романтиче-

¹ Действительное изменение (связанное с развитием производства и общественных отношений), которое отличает современную эпоху от всех предшествовавших, заключается в том, что в существующих условиях, как показывает пример Китая, становится более реальным само возникновение социальных движений, явно утопических по замыслу и характеру развития; возрастает длительность утопических экспериментов, а их угроза существованию социальной целостности (в рамках которой осуществляют эти эксперименты) становится тем меньшей, чем стабильнее социальная система, элементом которой является эта целостность.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 60.

ских» и «реалистических» проектов и действий в отказе от априорных, вечных рецептов, предлагают в качестве единственного ключа к решению проблемы диалектический анализ сложившейся ситуации. Особый интерес в этом отношении представляют письма Маркса к Л. Кугельману от 12 и 17 апреля 1871 года и ленинское «Предисловие к русскому переводу писем К. Маркса к Л. Кугельману» (1907), а также недавно впервые опубликованное на русском языке интервью Ленина норвежскому архиварнису Я. Фриису (1920).

Подготавливая революцию, коммунисты, прежде всего в лице своей партии, удерживают революционеров от преждевременных выступлений, т. е. являются силой, которую «левый» революционер назовет не иначе, как «консервативной». Как известно, пытаясь оправдать свою позицию в период декабрьского вооруженного восстания 1905 г. в России («не нужно было браться за оружие»), Плеханов ссылаясь на то, что Маркс в свое время «тоже» тормозил революцию в 1870 г. «Да,— отвечает Плеханову Ленин,— Маркс *тоже* тормозил ее... Маркс в *сентябре 1870 года*, за *полгода* до Коммуны, прямо предупредил французских рабочих: восстание будет *безумием*,— сказал он в известном адресе Интернационала»¹.

Но если массы, движимые стихийным стремлением к ниспровержению капиталистического господства, все же поднимаются на борьбу, приобретающую массово-прогрессивный характер, то коммунисты выступают в поддержку этой борьбы — даже если она носит утопический характер. «Маркс, назвавший в сентябре 1870 года восстание безумием, в апреле 1871 года, видя народное, массовое движение, относится к нему с величайшим вниманием участника великих событий, знаменующих шаг вперед во всемирно-историческом революционном движении»². Маркс поддерживает «безумие», «утопию», поддерживает решительно и твердо, давая повстанцам практические советы, стараясь уберечь их от ловушек, расставленных буржуазией. «О, как насмеялись бы тогда над Марксом,— саркастически бросает Ленин,— наши нынешние «реальные» мудрецы из марксистов, разносящие в России 1906—1907 гг. революционную романтику! Как издевались бы люди над *материалистом, экономистом, врагом утопий*, который преклоняется перед «попыткой» *штурмовать небо!*»³.

Итак, в сентябре 1870 г., когда можно еще было предотвратить неподготовленное выступление трудящихся против буржуазии, политический реализм заключался в том, чтобы предостеречь «*вожаков* от преждевременного восста-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 375—376.

² Там же, стр. 376.

³ Там же, стр. 377.

ния»¹ как от утопии. Несколькоими месяцами позже, когда выступление все же произошло, политический реализм заключался уже в том, чтобы способствовать попытке реализации утопии. Маркс, разумеется, не стал за это время сторонником утопий, но зато он всегда оставался диалектиком в своем подходе к революционному творчеству. Какими же мотивами руководствовался Маркс, поддерживая коммунаров, преклоняясь перед ними и поощряя их?

В одном из писем к Л. Кугельману Маркс говорит о социально-психологическом значении выступления коммунаров: «Буржуазные версальские каналы поставили перед парижанами альтернативу: либо принять вызов к борьбе, либо сдаться без борьбы. Деморализация рабочего класса в последнем случае была бы гораздо большим несчастьем, чем гибель какого угодно числа вожаков»². Ленин подчеркивает важность этой мысли Маркса: «Маркс умел оценить и то, что бывают моменты в истории, когда отчаянная борьба масс даже за безнадежное дело необходима во имя дальнейшего воспитания этих масс и подготовки их к следующей борьбе»³.

Вместе с тем Маркс высоко оценивал Парижскую коммуну как завоевание исходного пункта будущей борьбы пролетариата. «Борьба рабочего класса с классом капиталистов и государством, представляющим его интересы, вступила благодаря Парижской Коммуне в новую фазу. Как бы ни кончилось дело непосредственно на этот раз, новый исходный пункт всемирно-исторической важности все-таки завоеван»⁴.

И все же главное не в этом. Основная причина поддержки Марксом Парижской коммуны коренилась в том, что в любом массовом прогрессивном движении, даже утопическом, он видел момент проявления творческой инициативы, момент становления истории. Маркс, пишет Ленин, «поснимает, что попытка учесть наперед шансы с *полной точностью* была бы шарлатанством или безнадежным педантизмом. Он *выше всего* ставит то, что рабочий класс героически, самоотверженно, иници-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 378.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 379.

³ Там же. К вопросу о пользе «безнадежного дела» (когда эта безнадежность вполне ясна коммунистам, но не ясна массе) как исторического урока Ленин возвращается к интервью Я. Фринсу в 1920 году. «Если бы я, — говорил Ленин, — например, был теперь в Англии, я был бы безусловно против бойкота лейбористской партии и я голосовал бы за правительство Гендерсона, но одновременно сказал бы открыто: «пусть они покажут себя на деле». Быстро бы поняли, что путь реформ невозможен после опустошений войны» (Ленинский сборник. XXXVII. М., Политиздат, 1970, стр. 213).

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М., Политиздат, 1953, стр. 264. Тридцать с лишним лет спустя Ленин подтверждает правильность этой оценки Маркса: «На плечах Коммуны стоим мы все в теперешнем движении» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 330).

плативно *творит* мировую историю. Маркс смотрел на эту историю с точки зрения тех, кто ее *творит*, не имея возможности наперед *непогрешимо* учесть шансы...»¹. Ленин обращает внимание на «суровую отповедь» Маркса Кугельману, который «ответил Марксу, видимо, какими-то выражениями сомнения, указаниями на безнадежность дела, на реализм в противоположность романтике...»². Отповедь Маркса, о которой говорит Ленин, приобрела ныне хрестоматийную известность. «Творить мировую историю,— писал Маркс Кугельману,— было бы, конечно, очень удобно, если бы борьба предпринималась только под условием непогрешимо-благоприятных шансов. С другой стороны, история носила бы очень мистический характер, если бы «случайности» не играли никакой роли. Эти случайности входят, конечно, и сами составной частью в общий ход развития, уравниваясь другими случайностями. Но ускорение и замедление в сильной степени зависят от этих «случайностей...»³.

Логика марксова анализа исторического творчества, раскрывающаяся в его письмах к Кугельману, выходит, однако, далеко за пределы хрестоматийной иллюстрации положения о случайности как «форме проявления» необходимости. В социальной жизни необходимость, как тенденция, как закон, существует в «готовом» и «чистом» виде только в головах людей, т. е. идеально. По отношению к задаваемой «необходимости» как чему-то заранее известному случайность действительно выступает как форма ее проявления. В реальном историческом творчестве, конечные продукты которого не могут быть предсказаны с математической точностью, случайность есть уже не форма проявления, а форма существования и творения необходимости. Случайность самого стихийно возникшего движения здесь уже не является чем-то внешним по отношению к истории, она сама — история, она сама, как говорит Маркс, входит «составной частью в общий ход развития». Не будучи фаталистами, мы не можем наперед учесть не только, как именно будет развиваться победоносное движение (которое мы потом с полным основанием назовем проявлением исторической необходимости), но и какое из случайных движений приведет к победе. Поэтому политик-материалист, политик-диалектик, сознавая всю полноту лежащей на нем ответственности, в соответствии с ней предотвращающий неподготовленные, с его точки зрения, социальные движения, вместе с тем не может «оттягивать» историческое творчество до более «благоприятного» момента. Ведь в истории (в отличие от естествен-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 378—379.

² Там же, стр. 378.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс: Соч., т. 33, стр. 175.

ных наук) социальный эксперимент, как нечто целостное, неповторим. А если это так, то нужно пытаться воспользоваться любым массовым прогрессивным движением, коль скоро оно уже и стихийно возникло, поскольку предугадать его непогрешимой точностью, какой из «случайных» социальных экспериментов содержит в себе действительные революционные потенции, т. е. может непосредственно привести к успеху и рассматриваться апостериори как «проявление необходимости» социального прогресса, практически невозможно. Более того, если сложные социальные системы «управляются» статистическими закономерностями, то согласно теории вероятности шансы случайности на успех возрастают с числом попыток. Эта сторона дела также выявляется классиками (в политическом аспекте), подчеркивающими, что «отчаянная борьба масс даже за безнадежное дело необходима во имя дальнейшего воспитания этих масс и подготовки их к следующей борьбе».

Пример личного отношения Маркса к Парижской коммуне и ленинского анализа позиции Маркса, равно как и отношение самого Ленина к революции как к искусству, позволяют сделать вывод, что марксист должен быть достаточно реалистичным, чтобы стремиться предотвратить преждевременные революционные выступления дабы не ставить под угрозу завоевания трудящихся и не позволить тем самым отодвинуть отрицание буржуазного общества в необозримое далеко; и вместе с тем он должен быть достаточно реалистичным, чтобы не поддерживать существующий порядок, если таковой неразумен, не смотреть на неразумную действительность как истинную и стараться использовать «случайно» возникшую возможность отрицания существующей «иррациональной рациональности».

Говоря об отношении русских обывателей к марксовской сценке Парижской коммуны, Ленин писал: «Педанты марксизма думают: это все этическая болтовня, романтика, отсутствие реализма! Нет, господа, это — соединение революционной теории с революционной политикой, то соединение, без которого марксизм становится брентанизмом, струвизмом, зомбартизмом. Доктрина Маркса связала в одно неразрывное целое теорию и практику классовой борьбы. И тот не марксист, кто теорию, трезво констатирующую объективное положение, извращает в оправдание существующего...»¹.

Этой диалектики явно недостает Маркузе, который возводит «утопизм» в категорический императив революционного действия, служащий для него критерием радикальности партии. По Маркузе, партия может считаться революционной лишь в том случае, если она безоговорочно потворствует

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 14, стр. 375.

стихийно возникшему революционному движению (отказываясь от его корректирования, основанного на знании законов общественного развития) либо даже сознательно организует утопические движения, как это имеет место в современном Китае. Но позиция Маркузе вовсе не характеризует его как деятеля, ратующего за передачу всей полноты исторической инициативы народу. Он исходит не из проверенного исторической практикой марксистского положения о руководящей роли партии, как вожде и организаторе народных масс, а из альтернативы: разум в лице внепартийной, неорганизованной интеллигенции — разум в лице партии. Историческая инициатива принадлежит у Маркузе не народу, пребывающему в состоянии «счастливого сознания», а интеллигенции, студенчеству, как воплощению разума: и если партия теряет — в глазах Маркузе, конечно, — право на историческую инициативу, то не в пользу народа, а, как оказывается, в пользу внепартийной интеллигенции. Маркузе, таким образом, противопоставляет партию интеллигенции, а интеллигенцию — народу.

Напротив, марксистская концепция исторического творчества построена на сочетании инициативы партии и беспартийной массы, интеллигенции и народа. Не лишая массы исторической инициативы и ответственности, партия, в свою очередь, проявляет инициативу и несет ответственность за их социальные действия. Она не подменяет ни свободы масс свободой партии, ни свободы партии свободой масс. Именно так ставит вопрос Ленин, требуя сочетания «полной научной трезвости в анализе объективного положения вещей и объективного хода эволюции с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс, — а также, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий, умеющих нащупать и реализовать связь с теми или иными классами»¹.

Сонзируя всю свободу с лежащей на них исторической ответственностью, коммунисты всегда вели непримиримую борьбу против проявлений мелкобуржуазного революционаризма, оберегая партию от участия в левацких авантюрах. Но предупреждая от преждевременных, необдуманных действий «вожжаков», партия чутко прислушивается к революционным настроениям и внимательно относится к исторической инициативе массы и отдельных ее представителей, даже когда она не всегда согласна с их действиями. Касаясь в беседе с Я. Фрином вопроса о революционной романтике, Ленин замечает: «Но само собой разумеется, мы не можем обойтись без романтики. Лучше избыток ее, чем недостаток. Мы всегда симпатизировали революционным ро-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 16, стр. 23.

мантикам, даже когда были несогласны с ними. Например, мы всегда воздерживались от индивидуального террора. Но мы всегда выражали наше восхищение личным мужеством террористов и их готовностью на жертвы»¹.

С этих позиций и следует оценивать «новое левое» движение.

Политические выступления «новых левых» в конце 60-х годов не привели к победе: буржуазия осталась у власти в развитых странах Европы, Америки и Азии; система буржуазных институтов и ценностей испытала сильную встряску, но в целом она все еще сохраняет свою силу. Причину этого поражения следует искать не только в прочности буржуазной государственной машины, но и в политической слабости «новых левых» (и прежде всего — в отсутствии прочного блока прогрессивной интеллигенции и студенчества с крупнопромышленным пролетариатом и его авангардом — марксистско-ленинской партией), в его идеологической незрелости. Политическое поражение леворадикалов стало одновременно и теоретическим поражением идеологов, вдохновлявших «новых левых» — Миллса, Фанона, Маркузе; оно обнаружило умозрительный, утопический и тем самым некритический характер леворадикальных теорий, оно еще раз подтвердило бесплодность попыток создать подлинно революционную теорию, стоящую вне марксизма или даже разрабатываемую в противовес последнему и отрицающую ведущую роль рабочего класса и его авангарда — марксистско-ленинской партии в революционном процессе.

Вместе с тем движение «новых левых» дало богатейший материал, анализ которого с позиций диалектического материализма может обогатить марксистскую теорию во всех ее аспектах. Оно поставило перед коммунистами ряд практических задач, разрешение которых позволило бы найти пути к привлечению рабочим классом на свою сторону тех непролетарских слоев, которые продолжают вовлекаться в мировой революционный процесс.

Социальная база «нового левого» движения воспроизводится самым ходом общественного развития и завтра может произойти повторение мая, а вместе с ним и появление «нового Маркузе». Сумеет ли леворадикальное движение добиться успеха на новом этапе — это будет зависеть от многих причин, в том числе от тех выводов, которые сделают коммунисты из уроков мая и которые, в свою очередь, позволят теоретически нейтрализовать новоявленных пророков типа Маркузе, идеи которых наносят ущерб борьбе антикапиталистически настроенных масс за подлинную свободу.

¹ Ленинский сборник XXXVII. М., Политгиздат, 1970, стр. 212.

СОДЕРЖАНИЕ

«Новые левые» на современной исторической арене	3
Герберт Маркузе: вехи жизни и деятельности	25
«Одномерно» ли современное общество?	29
«Новая» концепция революции	46
Революция воображения или воображение революции?	68

Эдуард Яковлевич БАТАЛОВ

«НОВЫЕ ЛЕВЫЕ» И ГЕРБЕРТ МАРКУЗЕ

Редактор *Г. Н. Савватеева*

Технический редактор *А. С. Ковалёвская*

Корректор *Л. Д. Васильева*

А 05091. Сдано в набор 8/X, 1970 г. Подписано к печати 11/XI, 1970 г.
 Формат бумаги 60×90¹⁶. Бумага типографская № 3. Бум. л. 2,5. Печ. л. 5,0. Уч.-изд. л. 5,23. Тираж 72 400 экз. Издательство «Знание», Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4. Заказ 2414. Типография изд-ва «Знание», Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.
 Цена 15 коп.

см. о Мазове

Б. Быховский. Инкогнито мемуары.
Бухаринские. Коллекция № 8-1969.

1305-12

15 коп.

Индекс
70065

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Пропагандистам, лекторам, партийным и советским работникам, слушателям сети партийного просвещения, всем, кто изучает славную историю и современную политику нашей партии, адресуется издательство «Знание» серию научно-популярных подписных брошюр «История и политика КПСС».

Они пропагандируют теоретическое наследие классиков марксизма-ленинизма, рассказывают о практической деятельности партии и народа, направленной на построение коммунистического общества. Ежемесячно подписчики серии получают одну брошюру.

В 1971 году готовятся к выпуску следующие работы:

Ю. В. Воскресенский, доктор истор. наук. Разгром Коммунистической партией троцкистско-зиновьевского антипартийного блока.

Б. И. Королев, кандидат философ. наук. Борьба КПСС против антикоммунизма на современном этапе.

А. В. Фролов, кандидат истор. наук. Партийные организации и развитие инициативы производственных коллективов.

В каталоге «Союзпечати» серия «История и политика КПСС» расположена в разделе «Научно-популярные журналы» под рубрикой «Брошюры издательства «Знание». Стоимость подписки на год — 1 руб. 08 коп.

Индекс серии 70092.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»